Prugavin, Aleksandr Stepanovich

"Starets" Grigorii Rosputin i ego poklonnitsy Vypusk.

А. С. ПРУГАВИНЪ.

„СТАРЕЦЪ“
Григорій Распутинъ
и
его поклонницы.

Вып. I.

ИЗДАНІЕ 2-е.

МОСКВА.—1917.

Цѣна 1 руб.

А. С. ПРУГАВИНЪ.

„СТАРЕЦЪ“

ГРИГОРІЙ РАСПУТИНЪ
И
ЕГО ПОКЛОННИЦЫ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

Изданіе второе.

МОСКВА—1917.

Тип. Т./Д. „И. Ефимовъ, Н. Желудкова и К°“. Б. Якиманка, 32.

ОТЪ АВТОРА.

Послѣ того, какъ бульварная, „желтая“ пресса, бьющая на сенсаціи и низменные инстинкты толпы, вылила цѣлое море грязи, описывая похожденія Григорія Распутина и его отношенія къ царской семьѣ,— какъ-то жутко и непріятно принимагься за эту тему.

И тѣмъ не менѣе, однако, по мотивамъ не столько психологическаго, сколько общественнаго и политическаго характера, мы считаемъ необходимымъ заняться этой темой, тѣмъ болѣе, что даже въ органахъ серьезной прогрессивной печати вопросъ о причинахъ поразительнаго вліянія этого „проходимца“ до сихъ поръ не только не получилъ разрѣшенія, но даже не былъ правильно поставленъ, не былъ надлежаще освѣщенъ.

Личность и дѣятельность пресловутаго „старца“, подчинившаго своей волѣ не только царицу, но и царя, трактовались обыкновенно *внѣ* всякой связи съ тѣмъ нездоровымъ мистическимъ броженіемъ, которое давно уже захватило царскую семью и которое собственно и выдвинуло этого темнаго субъекта на первый планъ, сдѣлавъ изъ него центральную фигура и въ глазахъ придворныхъ и чиновныхъ бюрократовъ.

IV

А главное никто не пытался выяснить самый характеръ и подоплеку этого броженія.

По мѣрѣ того, какъ это грубо-суевѣрное, мистическое броженіе, усиливаясь и обостряясь, принимало явно психопатическій характеръ, вліяніе Григорія Распутина возростало все больше и больше и наконецъ онъ становится главнымъ руководителемъ въ дѣлахъ какъ русской церкви, такъ и русскаго государства. Относительно послѣднихъ годовъ стараго режима можно безъ особаго преувеличенія сказать, что самодержцемъ Россіи былъ въ то время уже не Николай II, а Григорій Распутинъ, который диктовалъ царю свою волю то прямо и непосредственно, то чрезъ царицу... Результаты налицо.

Русское самодержавіе—„самое варварское и фанатическое въ Европѣ"—лопнуло, какъ мыльный пузырь. Олицетворявшій его монархъ, стоявшій во главѣ 180-ти милліоновъ народа, повелѣвавшій могущественнѣйшей въ мірѣ арміей, охраняемый спеціальнымъ конвоемъ, явной и тайной полиціей, жандармеріей, безчисленными агентами „охраны",—этотъ, казалось, всесильный, всемогущій монархъ былъ взятъ голыми руками, былъ арестованъ среди бѣла дня, открыто, на глазахъ у всѣхъ, представителемъ народа инженеромъ Бубликовымъ, вмѣстѣ съ тремя его сочленами по Государственной Думѣ.

И *ни одинъ* человѣкъ изъ 180-ти милліоновъ народа, *ни одинъ* солдатъ изъ многочисленной арміи, даже *ни одинъ* человѣкъ изъ свиты, конвоя и охра-

ны не выступилъ на защиту этого монарха, не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки отстоять его. Не раздалось ни одного выстрѣла, не было пролито ни одной капли крови, не было заявлено ни одного протеста. Николай II былъ свергнутъ съ престола съ такой же легкостью и быстротой, съ какой увольняется отъ службы „по 3-му пункту" какой-нибудь чиновникъ XIV класса.

На первый взглядъ это представляется чѣмъ-то совершенно фантастическимъ, невѣроятнымъ, какимъ-то волшебствомъ. Какая-то блестящая, сказочная феерія, какое-то чудо... На самомъ дѣлѣ, конечно, тутъ никакого чуда нѣтъ.

Причинъ, которыя вооружили противъ Николая II все русское общество, всю русскую армію, весь русскій народъ,—которыя сдѣлали ненавистнымъ и непереносимымъ нетолько его и его управленіе, но и всю династію Романовыхъ—слишкомъ много. Но такъ какъ эти причины, по крайней мѣрѣ, наиболѣе главныя, глубокія и коренныя изъ нихъ всѣмъ хорошо извѣстны, то поэтому мы и не будемъ здѣсь останавливаться на нихъ.

Мы отмѣтимъ только ту роль, какую сыгралъ въ этомъ процессѣ пресловутый „старецъ", печальный герой очерковъ, которые мы предлагаемъ вниманію читателей.

Никто такъ не расшаталъ царскій престолъ въ Россіи, никто такъ не уронилъ, не унизилъ въ глазахъ народа и общества личность государя и госу-

дарыни, никто такъ не дискредитировалъ царской семьи, какъ Григорій Распутинъ. Этотъ темный субъектъ сыгралъ поистинѣ роковую, фатальную роль въ исторіи паденія династіи Романовыхъ.

Онъ своимъ поведеніемъ, своимъ образомъ дѣйствій, своимъ вмѣшательствомъ во всѣ сферы государственной и церковной жизни вызвалъ противъ царя и царицы цѣлую бурю, цѣлый ураганъ негодованія, озлобленія, ненависти и презрѣнія.

Благодаря ему, царь и царица сдѣлались посмѣшищемъ во всѣхъ слояхъ русскаго общества и народа, сверху до низу. Дворянство и аристократія были скандализированы грязными похожденіями „старца", возмущены его огромнымъ вліяніемъ на царя и царицу. Кухарки и горничныя, стоя въ хвостахъ у лавокъ и магазиновъ, съ хохотомъ разсказывали другъ другу самые чудовищные слухи и сплетни о близости Распутина къ царской семьѣ.

Духовенство было до глубины души возмущено тѣмъ явнымъ и отвратительнымъ кощунствомъ, которое происходило въ царской семьѣ и въ придворныхъ сферахъ, считавшихъ живымъ Богомъ грязнаго, невѣжественнаго, развратнаго и пьянаго мужика.

Одинъ изъ іерарховъ русской церкви, заслуженно пользующійся большой популярностью и уваженіемъ, писалъ мнѣ какъ разъ въ день убійства Распутина, не зная объ этомъ фактѣ: „Твердо помните, что „герой XX вѣка" (т.-е. Распутинъ) — хлыстъ, и есть у меня основаніе думать, что всѣ зеты и игрики Вашей

книжки *) тоже хлысты... Этимъ объясняется паденіе всѣхъ честныхъ людей съ вершинъ власти".

Подъ буквой Z я упоминалъ въ своей книжкѣ о царицѣ Александрѣ Федоровнѣ, а подъ буквой У—о Николаѣ II.

На фронтѣ, въ войскахъ, среди офицеровъ и солдатъ, конечно, нельзя было открыто говорить о царѣ и царицѣ. Но какъ только разговоръ переходилъ на Распутина—тутъ всѣ здержки моментально исчезали и начинался самый откровенный обмѣнъ мыслей, разливался неудержимый потокъ всевозможныхъ слуховъ, толковъ и сплетенъ относительно необыкновенной близости этого человѣка къ царской семьѣ, относительно причинъ его поразительнаго вліянія.

Какъ только появилось первое изданіе этой книжки подъ заглавіемъ „Леонтій Егоровичъ и его поклонницы", въ которой былъ выведенъ пресловутый „старецъ", меня начали посѣщать офицеры разныхъ частей войскъ, находившихся въ Петроградѣ, а также пріѣзжавшіе съ фронта. Они выражали мнѣ свое сочувствіе за то, что я затронулъ въ печати наболѣвшій вопросъ о вліяніи при дворѣ такихъ проходимцевъ, какъ Распутинъ, высказывали негодованіе по поводу этихъ возмутительныхъ явленій, сообщали слухи и факты изъ хроники придворной жизни и т. д. Въ то же время они предлагали мнѣ свое содѣйствіе въ дѣлѣ дальнѣйшаго изслѣдованія и раскрытія при-

---

*) „Леонтій Егоровичъ и его поклонницы".

чинъ, благодаря которымъ были возможны вакханаліи, происходившія вокругъ Царскаго Села.

Одинъ изъ этихъ офицеровъ, молодой поручикъ саперъ, пылкій патріотъ, только что пріѣхавшій съ фронта, очень просилъ меня сообщить адресъ квартиры Распутина и номеръ его телефона. На мой вопросъ: зачѣмъ это нужно ему?—онъ признался, что рѣшилъ убить Распутина, такъ какъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что онъ губитъ Россію, предаетъ ее вмѣстѣ съ царицей и что пока онъ живъ, война не можетъ закончиться побѣдой.

Мнѣ пришлось объяснить своему собесѣднику, что какъ ни велико вліяніе Распутина, тѣмъ не менѣе *суть* всетаки, конечно, не въ немъ, а въ личности царя и царицы и въ той атмосферѣ, которая создалась вокругъ нихъ, и что поэтому съ устраненіемъ зловреднаго „старца“ условія отнюдь не измѣнятся къ лучшему, такъ какъ на мѣсто Распутина немедленно же явятся другіе подобные ему субъекты, которые и будутъ играть на тѣхъ же струнахъ.

Въ то же время я получилъ доказательства, что упомянутой книжкой живо заинтересовались лица, стоявшія во главѣ нашей доблестной арміи, въ которой уже въ то время все замѣтнѣе скадывалось убѣжденіе, что Николай II, его жена и Григорій Распутинъ ведутъ Россію къ неминуемой гибели...

Изданная въ Москвѣ въ февралѣ прошлаго года, книжка эта была распростанена издательствомъ въ теченіе трехъ дней. Когда на четвертый день въ

книжный складъ, гдѣ она находилась, явилась полиція по приказанію командующаго войсками Московскаго Военнаго Округа генерала Мрозовскаго, чтобы конфисковать ее,—оказалось, что на складѣ осталось только 57 экземпляровъ.

Считая дѣйствія генерала Мрозовскаго въ дѣлѣ ареста моей книги совершенно незаконными, я протестовалъ противъ нихъ слѣдующимъ открытымъ письмомъ.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Господину командующему войсками московскаго военнаго округа генералу отъ артиллеріи І. Н. Мрозовскому.

Ваше Превосходительство!

Въ январѣ мѣсяцѣ текущаго (1916) года по Вашему распоряженію былъ наложенъ арестъ на изданную мною въ Москвѣ книгу „Леонтій Егоровичъ и его поклонницы", послѣ чего книга моя подверглась конфискаціи.

Въ силу предоставленнаго Вамъ права Вы ничѣмъ не мотивировали своего распоряженія объ изъятіи книги. Объ этомъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ распоряженіе Ваше невольно вызываетъ полное недоумѣніе съ какой бы точки зрѣнія къ нему не подойти.

Прежде всего позвольте обратить Ваше вниманіе

на слѣдующій фактъ: почти весь разсказъ, вошедшій въ мою книгу, былъ цѣликомъ, безъ всякихъ измѣненій, за исключеніемъ лишь двухъ послѣднихъ главъ, напечатанъ мною въ журналѣ „Русская Иллюстрація" въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ прошлаго 1915 года въ № № 28, 29, 30 и 31—подъ названіемъ „Около старца".

Напечатаніе этого разсказа въ „Русской Иллюстраціи" не только не вызвало никакихъ репрессій, но не возбудило даже ни малѣйшихъ недоразумѣній цензурнаго характера, хотя этотъ журналъ издавался въ той же самой Москвѣ, въ которой вышла и моя книга.

Такимъ образомъ возникаетъ вопросъ: почему же то, что можно было совершенно свободно и вполнѣ безнаказанно писать въ августѣ и сентябрѣ, вдругъ сдѣлалось запретнымъ и преступнымъ въ январѣ?

Какъ Вамъ извѣстно, въ моей книгѣ совершенно не затрагиваются темы, имѣющія какое-либо отношеніе къ войнѣ, къ арміи, къ вопросамъ фронта или тыла... О, если бы дѣйствительно было что-либо подобное, то повѣрьте, генералъ, что тогда я безпрекословно подчинился бы Вашему распоряженію, какой бы жестокій уронъ оно ни причиняло моимъ интересамъ. Одушевляющее меня патріотическое чувство не позволило бы мнѣ протестовать противъ распоряженія даже въ томъ случаѣ, если бы оно представлялось мнѣ недостаточно обоснованнымъ.

Но Вы, конечно, не можете не признать, что въ

данномъ случаѣ нѣтъ ничего подобнаго, что моя книга ни въ малѣйшей степени не имѣетъ касательства къ только что перечисленнымъ мною темамъ, ибо вся она, отъ начала до конца, посвящена вопросу какъ нельзя болѣе нейтральному.

Книга моя имѣетъ цѣлью освѣтить и выяснить то странное, насыщенное суевѣріемъ мистическое броженіе, которое, возникнувъ лѣтъ 15 тому назадъ въ нѣкоторыхъ слояхъ петроградскаго общества вокругъ разныхъ „старцевъ“, „прозорливцевъ“, „пророковъ“ и юродивыхъ, въ послѣдніе годы получило особенно замѣтное развитіе.

Лично я не могъ не заинтересоваться этимъ броженіемъ уже по одному тому, что въ теченіе многихъ лѣтъ спеціально занимаюсь изслѣдованіемъ религіозныхъ движеній, происходящихъ въ русскомъ народѣ и обществѣ. Мои работы въ этой области получили извѣстное признаніе не только въ Россіи, но и за границей, между прочимъ, со стороны такихъ авторитетныхъ представителей французской литературы, какъ М. де-Вогюэ, Анатоль Леруа-Болье и друг.

Къ сожалѣнію, нездоровое, отчасти даже патологическое движеніе, происходящее вокругъ разныхъ „старцевъ“ и „пророковъ“, встрѣчаетъ явное сочувствіе и поддержку со стороны многихъ весьма вліятельныхъ лицъ, вслѣдствіе чего оно на глазахъ всѣхъ замѣтно разростается все болѣе и болѣе.

Православное духовенство съ ужасомъ и негодо-

ванiемъ смотритъ на поступательное движенiе этихъ темныхъ мистическихъ силъ, но забитое и приниженное, оно не смѣетъ поднять свой голосъ въ защиту религiи и морали, за исключенiемъ лишь очень немногихъ отдѣльныхъ лицъ, каковы, напримѣръ, епископъ уфимскiй Андрей или московскiй священникъ Востоковъ.

Поставивъ себѣ цѣлю объективно и внимательно разобраться въ этомъ явленiи, столь необычномъ и поразительномъ для XX-го вѣка, я собралъ обширный матерiалъ о жизни и дѣятельности „старцевъ" и „пророковъ", а также о той средѣ, въ которой они имѣютъ наибольшiй успѣхъ. Матерiалъ этотъ, насколько я могу судить—представляетъ огромную цѣнность не только въ психологическомъ, но и въ общественномъ отношенiи.

Разсказъ „Леонтiй Егоровичъ и его поклонницы" является лишь первымъ выпускомъ цѣлой серiи изданiй, намѣченныхъ мною въ видахъ всесторонняго выясненiя поразительнаго явленiя нашей современной религiозно-общественной жизни. Центральной фигурой этого разсказа является знаменитый старецъ, выведенный мною подъ именемъ Леонтiя Егоровича Путинцева. Пользуясь совершенно исключительнымъ вниманiемъ и расположенiемъ высокопоставленныхъ лицъ, этотъ старецъ прiобрѣлъ такое влiянiе, или правильнѣе сказать, такое могущество въ церковныхъ и государственныхъ дѣлахъ, какимъ пользова-

лись у насъ развѣ только временщики и фавориты XVIII столѣтія.

Необходимымъ считаю добавить, что книга была издана мною въ самомъ ограниченномъ, минимальномъ количествѣ экземпляровъ (всего 1.500), продажная цѣна назначена была сравнительно съ объемомъ книги весьма высокая, такъ какъ изящная внѣшность изданія потребовала довольно крупныхъ расходовъ; наконецъ, какъ содержаніе книги, такъ и характеръ изложенія—все это громко говоритъ за то, что авторъ ея былъ какъ нельзя болѣе далекъ и чуждъ всякой мысли о цѣляхъ пропаганды или тѣмъ болѣе агитаціи.

Въ виду всего изложеннаго Ваше распоряженіе объ арестѣ и конфискаціи этой книги является совершенно необъяснимымъ. Какія цѣли преслѣдовали Вы, генералъ, запрещая мою книгу? Чьи интересы Вы защищали и оберегали? Смѣю думать, что ни интересы морали, ни интересы церкви, ни интересы государства не нарушены въ моемъ разсказѣ.

Буду надѣяться, что Ваша совѣсть подскажетъ Вамъ, что Вы должны сдѣлать въ этомъ случаѣ. Сознавши свою ошибку, Вы нравственно обязаны исправить ее. Вы должны возстановить мои авторскія права, столь несправедливо и незаконно нарушенныя Вашимъ распоряженіемъ. Вы должны снять запретъ съ моей книги. Вы не должны отнимать у меня возможности правдиво и честно продолжать изслѣдованіе того крайне болѣзненнаго, суевѣрно-мистическа-

го движенія, которое вноситъ глубокую деморализацію въ среду общества и великій соблазнъ въ души людей вѣрующихъ и религіозно-настроенныхъ. Эта деморализація, этотъ соблазнъ, растущіе съ каждымъ днемъ, грозятъ страшнымъ развалом, скажу болѣе—катастрофой.

Замолчать подобное явленіе невозможно, немыслимо, и никакіе цензурные и полицейскіе препоны, аресты и конфискаціи не будутъ въ состояніи достигнуть этой цѣли.

Не забывайте, генералъ, что надъ всѣми нашими дѣйствіями существуетъ высшая инстанція суда—самая строгая и нелицепріятная—это судъ исторіи, судъ общественнаго мнѣнія. Поэтому въ заключеніе позвольте Вамъ напомнить слова нашего величайшаго національнаго поэта, вложенныя имъ въ уста лѣтописца по адресу Бориса Годунова:

И не уйдешь ты отъ суда людского,
Какъ не уйдешь отъ Божьяго суда!

Въ надеждѣ, что Вы не захотите оставить безъ отвѣта это письмо, прошу Васъ принять увѣреніе въ истинномъ уваженіи и преданности.

А. Пругавинъ.

Ни одна газета не рѣшилась напечатать это письмо, такъ какъ въ силу личнаго приказанія Николая II-го, цензура въ то время воспрещала всякое упоминаніе въ печати не только о Григоріи Распутинѣ, но и о „старцахъ“, вообще... А генералъ Мро-

зовскій, получивъ мое письмо, предпочелъ промолчать, такъ какъ ему нечего было сказать въ объясненіе и оправданіе своихъ дѣйствій, направленныхъ къ охранѣ преступнаго „старца“ Распутина отъ обличеній печати.

Старый, продажный режимъ свергнутъ, но его прислужники, его адепты, строившіе свое благополучіе на угнетеніи трудового народа, остались. Сейчасъ они притаились, но они ждутъ благопріятнаго момента, чтобы выступить съ цѣлью реставраціи стараго, самодержавнаго, полицейско-жандармскаго строя. Конечно, они употребляютъ всѣ усилія для того, чтобы въ этихъ видахъ использовать предстоящее Учредительное Собраніе.

Поэтому крайне необходимо, чтобы народъ, армія и общество отчетливо знали, что собственно представляло собой то самодержавіе, о возстановленіи котораго хлопочутъ эти корыстные или слѣпорожденные люди,—необходимо, чтобы всѣ знали, что представляла собой семья Николая II-го, что представляла собой династія Романовыхъ, какая отравленная атмосфера царила въ ихъ дворцахъ. Намъ предстоитъ встрѣтиться здѣсь съ цѣлымъ сонмомъ дегенератовъ, алкоголиковъ, психопатовъ и психопатокъ, истеричекъ, эротомановъ, неврастениковъ, ханжей хлыстовскаго типа...

Еще одно маленькое замѣчаніе. Кромѣ грязи и сала, которыя вылила бульварная печать по поводу того мистическаго броженія, которое было окрашено

явнымъ патологическимъ налетомъ и въ центрѣ котораго стоялъ Григорій Распутинъ, она выпустила еще огромное количество грубой *лжи*, явной неправды, голословныхъ обвиненій и клеветъ противъ отдѣльныхъ участниковъ этого движенія. Мы, разумѣется, не встанемъ на этотъ путь, и въ своихъ разсказахъ и очеркахъ, какъ всегда, будемъ основываться только на свѣдѣніяхъ, провѣренныхъ нами, и на документахъ, не подлежащихъ сомнѣнію...

Да здравствуетъ свобода!

Да здравствуетъ демократическая республика!

Да здравствуетъ обновленіе не только политическое и соціальное, но и моральное и этическое!

31 марта 1917 года.

Лицъ, которыя пожелали бы подѣлиться съ нами своими свѣдѣніями и наблюденіями, а также матеріалами и документами (письма, фотографіи и т. д.) относительно мистическаго броженія, во власти котораго находилась царская семья и нѣкоторые круги петроградской знати,—мы просимъ направлять все это по нашему адресу:

Петроградъ, Введенская, 17.

Ал. Ст. Пругавину.

НА РУБЕЖѢ НОВОЙ ЭРЫ.

Уже третій годъ на міровой аренѣ происходитъ жестокая и безпощадная битва народовъ наиболѣе культурныхъ, наиболѣе цивилизованныхъ. Изо-дня въ-день льются потоки крови, уносятся милліоны человѣческихъ жизней. Военное счастье склоняется то на одну, то на другую сторону. Но въ сердцахъ всѣхъ людей, сохранившихъ душу живую, непоколебима увѣренность въ то, что побѣдителями въ этой борьбѣ выйдутъ тѣ, на знамени которыхъ написано: право, свобода, любовь, справедливость.

Духовное обновленіе уже началось. Сбылось по народной пословицѣ: не бывать бы счастью, да несчастье помогло.

Благодаря войнѣ, небывалой на лѣтописяхъ исторіи, Россія получила уже великое благо, великое счастье въ видѣ отрезвленія народныхъ массъ.

Крѣпко вѣримъ, что та же война повлечетъ за собою и духовное отрезвленіе русскаго общества, что она оздоровитъ общественную атмосферу, затхлую и удушливую, что она озонируетъ воздухъ, отравлен-

ный разными міазмами, наполненный бациллами лицемѣрія, безпринципности, извращенности.

Все говоритъ за то, что мы стоимъ наканунѣ новой эпохи, на рубежѣ новой великой эры, съ необъятными, свѣтлыми, лучезарными перспективами. Чувствуется, что на нашихъ глазахъ совершается великій историческій сдвигъ, назрѣваетъ переломъ колоссальнаго значенія и важности.

Тяжелыя, темныя тучи, грязныя и косматыя, какъ чудовища, что наглухо закрывали горизонтъ, начинаютъ рѣдѣть и проясняться. Впереди уже брезжитъ пока узкая, пока чуть замѣтная полоска свѣта. Но вотъ-вотъ вспыхнетъ заря новой жизни, и засверкаютъ и польются золотые, горячіе какъ пламень, лучи. Они растопятъ и зажгутъ сердца людей, даже самыхъ холодныхъ и черствыхъ.

„Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!"

Новая эра несетъ людямъ новое обновленіе—духовное, религіозное, этическое, моральное. Все то нездоровое, уродливое, изломанное, патологическое, что накопилось въ области духа и интеллекта въ годы безвременья, все то, что калѣчило жизнь людей, ихъ искусство и литературу,—все это исчезнетъ, какъ грязная накипь, которая мутитъ и затемняетъ общественное сознаніе.

Но для того, чтобы эти надежды, эти пожеланія могли осуществиться въ полной мѣрѣ, необходимо тщательное и безпристрастное выясненіе тѣхъ нездоровыхъ, уродливыхъ, патологическихъ явленій, отъ

которыхъ страдала и страдаетъ наша жизнь, наше сознаніе. Излѣченіе болѣзни невозможно безъ предварительнаго, точнаго діагноза.

Одно изъ такихъ болѣзненныхъ явленій послѣднихъ лѣтъ мы и затрагиваемъ въ разсказѣ, предлагаемомъ вниманію читателей.

I.

КСЕНІЯ ВЛАДИМІРОВНА.

Возвращаюсь домой. Прислуга сообщаетъ:

— Была какая-то дама... Письмо оставили. Обѣщались другой разъ заѣхать. Фамиліи не сказали. Я говорю: баринъ завсегда приказываютъ фамилію спросить... Не сказали!.. Говорятъ: въ письмѣ тамъ все написано.

Вскрываю письмо, оставленное таинственной дамой.

Очень популярный, пользующійся почетной извѣстностью профессоръ и академикъ пишетъ, что его родственница Ксенія Владиміровна Гончарова [1]), молодая, начинающая писательница, очень заинтересована современными религіозными движеніями, происходящими въ обществѣ и народѣ, и желаетъ получить отъ меня по этому вопросу нѣкоторыя свѣдѣнія и указанія. Профессоръ выражаетъ надежду, что я не откажусь помочь въ этомъ случаѣ г-жѣ Гончаровой.

Спѣшу отозваться и назначаю день и часъ, когда меня можно застать безошибочно.

---

[1]) Имена и фамиліи измѣнены.

Вскорѣ послѣ этого г-жа Гончарова посѣтила меня. Сбросивъ въ передней бархатную элегантную шубку, вошла молодая дама лѣтъ 26—27. Стройная, гибкая шатенка, съ тонкими чертами лица, съ темными живыми глазами, внимательными и пытливыми.

Съ цѣлью выяснить, чѣмъ я могу быть полезенъ новой знакомой, я предложилъ ей нѣсколько вопросовъ о томъ, что именно въ области современныхъ религіозныхъ исканій наиболѣе занимаетъ ея вниманіе, съ какими запросами подходитъ она къ этому явленію и т. д.

— Въ данный моментъ,—сказала г-жа Гончарова,— я болѣе всего заинтересована тѣмъ религіознымъ броженіемъ... или, можетъ быть точнѣе будетъ сказать, тѣмъ *повѣтріемъ*, которое наблюдается теперь въ разныхъ слояхъ нашего общества и которое я затрудняюсь охарактеризовать однимъ какимъ-нибудь терминомъ. Словомъ, я имѣю въ виду то полное мистицизма и суевѣрія броженіе, которое выдвинуло у насъ разныхъ „прозорливцевъ", выступающихъ въ роли религіозныхъ подвижниковъ, выдвинуло разныхъ „пророковъ", юродивыхъ, блаженныхъ. Нѣкоторые изъ этихъ людей находятъ себѣ горячихъ и многочисленныхъ послѣдователей и послѣдовательницъ среди вліятельныхъ общественныхъ слоевъ, имѣютъ огромный, прямо поразительный успѣхъ... И это въ XX вѣкѣ!..

Замѣтно волнуясь, г-жа Гончарова продолжала:

— Передъ этимъ явленіемъ я останавливаюсь съ

полнѣйшимъ недоумѣніемъ... И вотъ поэтому мнѣ очень, очень хотѣлось бы заняться его изученіемъ и выясненіемъ—подробнымъ и безпристрастнымъ. Не скрою отъ васъ, что это мнѣ необходимо для задуманной мною повѣсти.

— Я понимаю ваше желаніе,—сказалъ я.—Но долженъ, однако, предупредить васъ, что изученіе заинтересовавшаго васъ явленія представляетъ нѣкоторыя неудобства и затрудненія чисто-специфическаго характера.

— Что такое?—съ недоумѣніемъ спросила моя собесѣдница.

— Очень возможно и даже неизбѣжно, что въ вашемъ изслѣдованіи вамъ придется близко столкнуться съ темными, нездоровыми, патологическими сторонами человѣческой природы. Согласитесь, что это очень непріятно, щекотливо и тяжело, особенно для такой молодой дамы, какъ вы.

— Мнѣ кажется, вы слишкомъ преувеличиваете мою молодость и неопытность,—возразила г-жа Гончарова, и въ тонѣ ея голоса довольно опредѣленно послышалась нотка какой-то обиды.—Я не институтка, а современная женщина. За свою, хотя и недолгую, жизнь мнѣ пришлось пережить и тяжелую утрату, и горькое разочарованіе въ людяхъ. Наконецъ, я много... да, да, очень много видѣла и испытала. А патологіи въ современной жизни, къ сожалѣнію, сколько угодно, поэтому игнорировать ее невозможно. И тѣ

трудности, о которыхъ вы говорите, отнюдь не пугаютъ меня.

— Я считалъ своимъ долгомъ предупредить васъ, но, разумѣется, я далекъ отъ всякаго желанія опекать васъ... Явленіе, о которомъ вы говорите, интересуетъ и меня. И я давно уже собираю матеріалы, касающіеся дѣятелей и участниковъ этого „движенія". У меня имѣются ихъ письма, дневники, записки, телеграммы, портреты, разнаго рода документы, а также масса газетныхъ вырѣзокъ о современныхъ „пророкахъ" и юродивыхъ. Тутъ, между прочимъ, вы найдете, почти все, что только появлялось въ нашей, а отчасти и въ заграничной печати о знаменитомъ „старцѣ", „прозорливцѣ" Григоріи Ефимовичѣ Распутинѣ, о которомъ столько говорятъ и пишутъ. Думаю, что все это можетъ представить для васъ немалый интересъ и можетъ пригодиться для вашихъ литературныхъ работъ. Конечно, я охотно подѣлюсь съ вами этими матеріалами.

Разыскавъ среди своихъ картоновъ и папокъ особое „досье", въ которомъ были собраны документы о современныхъ „пророкахъ", а также газетныя вырѣзки о нихъ, я передалъ его г-жѣ Гончаровой, съ просьбой возвратить мнѣ эти матеріалы послѣ того, какъ она успѣетъ ознакомиться съ ними.

Въ виду того, что въ дальнѣйшемъ изложеніи мнѣ придется въ значительной степени основываться на наблюденіяхъ г-жи Гончаровой, я считаю необходимымъ подробнѣе остановиться на ея характеристикѣ

и познакомить читателей съ ея прошлымъ, насколько все это выяснилось для меня за время моего знакомства съ Ксеніей Владиміровной. Конечно, мнѣ придется при этомъ основываться почти исключительно на ея собственныхъ словахъ и показаніяхъ.

Она выросла и воспиталась въ помѣщичьей семьѣ хорошаго достатка въ одной изъ подмосковныхъ губерній. Росла подъ вліяніемъ своей бабушки, глубоко религіозной женщины, сумѣвшей передать внучкѣ свою горячую и активную вѣру.

Съ годами религіозное чувство молодой дѣвушки росло и осложнялось. Она увлекалась поэзіей, природой, литературой; но эти увлеченія не вытѣсняли религіознаго настроенія; напротивъ, и поэзія, и религія, и природа въ ея представленіи сливались во что-то цѣльное, гармоническое и свѣтлое.

Шестнадцати лѣтъ она полюбила троюроднаго брата, 20-лѣтняго юношу, только что передъ тѣмъ произведеннаго въ офицеры одного изъ привилегированныхъ полковъ. Взаимная симпатія постепенно росла, и когда, годъ спустя, молодому офицеру предстояло отправиться на войну съ японцами, совершена была помолвка молодой четы.

Трогательное прощаніе, горечь тяжелой разлуки и затѣмъ чуть не ежедневныя большія письма—пылкія, наивныя, сердечныя.

Время шло... Мы терпѣли постыдныя пораженія, война все болѣе и болѣе принимала печальный для насъ оборотъ. Вдругъ письма съ Востока прекрати-

лись. Проходитъ недѣля, мѣсяцъ—ни письма, ни извѣстій. Страшная, мучительная неизвѣстность. Ни въ числѣ раненыхъ, ни въ числѣ убитыхъ, ни въ числѣ взятыхъ въ плѣнъ его имени не встрѣчалось. Гдѣ же онъ, ея Игорь? Что съ нимъ? Живъ или погибъ? Мысль о возможности измѣны ни разу даже на минуту не приходила ей въ голову.

Подъ вліяніемъ тягостныхъ настроеній въ ней съ новой силой пробуждаются религіозные порывы и стремленія. Она ищетъ утѣшенія въ церкви и у священниковъ. Долгими часами простаиваетъ она то въ одномъ, то въ другомъ изъ московскихъ храмовъ, забывшись въ молитвенномъ экстазѣ.

Она ѣдетъ въ Оптину пустынь, къ знаменитому монаху-схимнику, слава о святой жизни и подвигахъ котораго гремѣла въ народѣ. Она спрашиваетъ его: живъ ли ея женихъ, живъ ли ея милый Горя? Сѣдой какъ лунь отшельникъ утѣшалъ ее, успокаивалъ, совѣтовалъ молиться и вѣрить, что дорогой для нея человѣкъ живъ, что онъ вернется къ ней. И она вѣрила и молилась, вкладывая въ эту вѣру и въ эту молитву весь жаръ, весь пылъ молодой дѣвственной души.

Томительная неизвѣстность продолжалась около года. Страшный, роковой годъ въ ея жизни. Наконецъ, на запросъ ея родныхъ отъ начальника штаба главнокомандующаго было получено офиціальное письмо съ извѣщеніемъ, что подпоручикъ гвардіи Игорь N „умеръ какъ герой, смертью храбрыхъ“ въ

битвѣ при Мукденѣ, и что его сослуживцамъ остается только завидовать его судьбѣ.

Жизнь молодой дѣвушки казалась разбитой, хотя ей было въ то время не болѣе 18 лѣтъ. Родные, опасаясь, чтобы угнетенное, подавленное состояніе духа, которое овладѣло ею по полученіи рокового извѣстія, не развилось въ психическую болѣзнь, увозятъ ее за границу и поселяются въ Швейцаріи, въ одномъ изъ поэтическихъ уголковъ, которыми такъ изобилуютъ берега Женевскаго озера.

Глубокое личное горе переживалось одновременно съ религіознымъ кризисомъ, происходившимъ въ душѣ молодой дѣвушки подъ вліяніемъ только что перенесеннаго удара судьбы и разбившихся надеждъ. Когда здоровье Ксеніи Владиміровны болѣе или менѣе возстановилось, семья переѣхала въ Парижъ.

Новая среда, новый укладъ жизни. Мало-по-малу завязываются новыя знакомства. Въ результатѣ пережитаго кризиса *вѣра*, воспринятая нѣкогда отъ умной и любимой бабушки,—горячая, наивная, слѣпая вѣра растаяла и исчезла какъ сонъ. Но отношеніе къ *религіи*, какъ къ чему-то огромному, важному, безусловно необходимому въ жизни отдѣльныхъ людей и всего человѣчества, осталось. Остался и прежній живой интересъ къ религіознымъ исканіямъ, къ новымъ теченіямъ въ области религіи и этики.

Ксенія Владиміровна знакомится съ парижскими приверженцами буддизма, съ теософами, съ католиками въ стилѣ Гюисманса, съ трапистами, съ послѣ-

дователями разныхъ новыхъ теченій въ области религіозныхъ исканій до сатанистовъ съ ихъ черными мессами включительно.

Въ числѣ ея новыхъ знакомыхъ, принадлежавшихъ по большей части къ интернаціональной свѣтской молодежи, оказалось нѣсколько горячихъ послѣдователей „сатанизма“. Эти господа не жалѣли усилій для того, чтобы представить сатанизмъ новой религіей, побѣдоносно идущей на смѣну „устарѣвшему“ христіанству и имѣющей цѣлью упразднить христіанскую мораль, единственное назначеніе которой они видѣли только въ томъ, что она „мѣшаетъ счастью людей“.

Вообще религія, этика, политика, мораль, общественность—все расцѣнивалось молодыми эстетами съ точки зрѣнія красоты и наслажденій, какъ единственнаго и непреложнаго критерія, игравшаго въ ихъ глазахъ роль „категорическаго императива“ Канта. Тутъ все было ново и неожиданно для молодой дѣвушки, большую часть своей жизни прожившей въ провинціи, въ тиши помѣщичьей усадьбы и только двѣ—три зимы проведшей въ Москвѣ.

Немудрено. что господа „сатанисты“ показались ей „такими смѣлыми, такими гордыми“, а ихъ стремленія къ неизвѣданнымъ еще впечатлѣніямъ, ихъ жажда пережить настроенія и ощущенія, которыя „не испытывались еще никѣмъ изъ людей“, казались ей такими красивыми. Ихъ разсказы—сдержанные и осторожные—о таинственныхъ „черныхъ мессахъ“,

которыя въ глубокомъ секретѣ устраиваются парижскими сатанистами, заинтересовываютъ молодую дѣвушку. Она стремится поближе подойти къ новому явленію, поразившему ея воображеніе.

Но какъ только завѣса таинственности открылась передъ ней, низменная идеологія сатанистовъ не могла не оттолкнуть ее отъ себя. Для молодой дѣвушки стало совершенно ясно, что сатанизмъ—въ сущности только грубая лубочная пародія на религію, что это религія *наизнанку*, и что „черныя мессы“ сатанистовъ—не что иное, какъ нелѣпая игра и профанація, возмутительная для всякаго сколько-нибудь религіознаго человѣка.

Разочарованіе росло. Чѣмъ ближе знакомилась она съ сверхчеловѣками, не признававшими ничего, кромѣ „культа красоты“, чѣмъ внимательнѣе присматривалась она къ нимъ, тѣмъ все сильнѣе росло ея чувство антипатіи къ нимъ.

„Смѣлые и гордые“ ницшеніанцы сплошь и рядомъ оказывались въ жизни такими мелкими, безпринципными, ничтожными людишками. Жадные до всего экстравагантнаго, они въ погонѣ за „неизвѣданными наслажденіями“ проявляли крайнюю неразборчивость въ средствахъ и полную эмансипацію отъ всякихъ требованій морали... Въ результатѣ непріятный, горькій, тяжелый осадокъ остался на сердцѣ дѣвушки отъ всѣхъ этихъ встрѣчъ, отъ всѣхъ знакомствъ.

Потянуло въ Россію. Соскучились по русской провинціи, по русской интеллигенціи, по своей родной

усадьбѣ съ ея уютомъ и „традиціями“. Къ скорѣйшему возвращенію въ Россію властно призывали и сильно поразстроившіеся финансы, и пошатнувшееся экономическое положеніе семьи. Вернувшись въ Россію, они поселились въ своемъ имѣніи, а зимы стали проводить въ Москвѣ.

Два года назадъ Ксенія Владиміровна вышла замужъ за своего сосѣда по имѣнію, мѣстнаго земскаго дѣятеля, Гончарова, „умѣреннаго прогрессиста“, который пользуется въ губерніи репутаціей хорошаго опытнаго хозяина и страстнаго спортсмена... Была ли она счастлива,—я не знаю, мнѣнія же ея родныхъ на этотъ счетъ были различны.

Въ послѣднее время у нея появились новые интересы жизни въ связи съ ея выступленіемъ на литературно-художественномъ поприщѣ. Недавно вышедшая въ свѣтъ книжка ея разсказовъ, въ которой она тонко затрагивала религіозно-этическія проблемы, не прошла незамѣченной и вызвала нѣсколько сочувственныхъ отзывовъ въ печати со стороны рецензентовъ, которые, какъ я могу свидѣтельствовать, ни въ родствѣ ни въ дружбѣ съ авторомъ не состояли. Книжка охотно покупалась. Этотъ успѣхъ значительно окрылилъ Ксенію Владиміровну, и теперь она съ увлеченіемъ отдалась разработкѣ плана большой повѣсти, въ которой главное мѣсто отводится представителямъ современныхъ религіозныхъ исканій и, между прочимъ, разнымъ „старцамъ“, „пророкамъ“, „прозорливцамъ“ юродивымъ и т. д. Въ этихъ ви-

дахъ, она часть зимы 1914 года провела въ Петроградѣ, живя въ семьѣ своего двоюроднаго брата, виднаго петроградскаго чиновника, дѣлающаго быструю карьеру въ одномъ изъ нашихъ вѣдомствъ.

Возвращая мнѣ мои матеріалы, г-жа Гончарова высказала, что ее особенно интересуетъ личность „старца“ и „пророка“ Григорія Распутина, о которомъ она слышитъ со всѣхъ сторонъ и относительно котораго она нашла въ моихъ матеріалахъ много свѣдѣній, исходящихъ какъ отъ его почитателей, такъ и отъ его враговъ. Въ обществѣ о „старцѣ-пророкѣ“ создаются и распространяются цѣлыя легенды. Онъ становится исторической фигурой.

— Вы знакомы съ нимъ лично?—спросила она меня.

— Нѣтъ, до сихъ поръ я лично съ нимъ не знакомъ.

Мой отвѣтъ, видимо, опечалилъ молодую даму.

— Ахъ, какъ жаль, что вы не знаете его лично,—сказала г-жа Гончарова.—Признаюсь вамъ, я разсчитывала, что вы поможете мнѣ познакомиться со старцемъ.

— Познакомиться съ „пророкомъ“ очень нетрудно,—замѣтилъ я.—Было бы желаніе.

— Какимъ образомъ?—оживилась моя собесѣдница.—Въ такомъ случаѣ я очень, очень прошу васъ устроить мнѣ это знакомство.

— А какъ отнесутся къ этому ваши родные?—спросилъ я.

Г-жа Гончарова сдѣлала удивленное лицо и пожала плечами.

— Я человѣкъ взрослый и самостоятельный, мои дѣйствія не подлежатъ контролю родныхъ,—сказала она тономъ, въ которомъ вновь зазвучало чувство обиды.

— Однако....—началъ было я, но она тотчасъ же перебила меня.

— Извиняюсь... Но я не думаю, чтобы мои родные имѣли что-нибудь противъ моего знакомства со старцемъ, который заставляетъ говорить о себѣ всю Россію отъ мала до велика. Его выводятъ въ романахъ, повѣстяхъ, разсказахъ. Имъ интересуются и за границей. Для меня онъ представляетъ интересъ, какъ литературный типъ, яркое, красочное пятно на фонѣ нашей общественности.

— Но согласитесь, что въ данномъ случаѣ могутъ быть различные взгляды, различное отношеніе,—возразилъ я.—Не забывайте, что „старецъ" въ широкихъ кругахъ пользуется слишкомъ опредѣленной репутаціей. А среди интеллигенціи о немъ нѣтъ двухъ мнѣній,—сказалъ я, старательно подчеркивая послѣднія фразы.

— Позвольте, но сами вы лично находите что-нибудь предосудительное въ знакомствѣ со „старцемъ"?—спросила меня г-жа Гончарова тономъ экзаменатора.

— Во всякомъ случаѣ я не рекомендовалъ бы лично знакомиться съ нимъ молодымъ дамамъ и ба-

рышнямъ, особенно съ приподнятой нервной системой, мятущимся, наклоннымъ къ экзальтаціи.

— Благодарю васъ,—съ явной ироніей замѣтила г-жа Гончарова,—очевидно, вы и меня зачислили уже въ рубрику экзальтированныхъ, мятущихся дамъ.

— Простите... я говорю вообще... Вы знаете, что нашъ вѣкъ не напрасно считается *нервнымъ* вѣкомъ. И это особенно примѣнимо къ прекрасной половинѣ человѣческаго рода, какъ находящейся въ гораздо болѣе худшихъ условіяхъ жизни—общественныхъ, правовыхъ, политическихъ и т. д.

— Значитъ, вы рѣшительно отказываетесь содѣйствовать моему знакомству съ „прозорливцемъ"?

— Рѣшительно... до тѣхъ поръ, конечно, пока я не узнаю, что ваши родные ничего не будутъ имѣть противъ вашего личнаго знакомства съ Распутинымъ.

— Хорошо,—немного подумавъ, сказала г-жа Гончарова.—Я переговорю со своими родными по этому поводу и завтра же сообщу вамъ по телефону объ ихъ рѣшеніи. Вы позволите?

— Пожалуйста.

На другой день г-жа Гончарова сообщила мнѣ, что ея родные не только ничего не имѣютъ противъ ея знакомства со „старцемъ", но, наоборотъ, просятъ меня посодѣйствовать этому знакомству, такъ какъ признаютъ, что оно необходимо ей для задуманной ею повѣсти изъ жизни современнаго общества.

— Теперь ваши сомнѣнія отпадаютъ?—слышу я торжествующій голосъ Ксеніи Владиміровны.

— О, да, конечно. И въ доказательство этого я могу сейчасъ же сообщить, что вамъ слѣдуетъ предпринять для достиженія вашей цѣли... Вы слушаете?... Какъ-нибудь утромъ, около 9 или 10 часовъ, не позднѣе, позвоните по телефону № 00—00. Запишите. Это телефонъ Распутина, вы не найдете его въ телефонной книжкѣ. Скажите ему, что вы желали бы повидать его, чтобы посовѣтоваться по одному дѣлу. Этого будетъ вполнѣ достаточно. „Прозорливецъ" очень любитъ новыя знакомства, особенно дамскія. Не сомнѣваюсь, что ваше контральто сразу же расположитъ его въ вашу пользу. А *какое* дѣло, *какой* совѣтъ,—это вы уже сами придумаете лучше меня. Попросите его назначить время, когда вы можете застать его. Адресъ „старца": Англійскій проспектъ, домъ 3, кв. 10.

— Большое вамъ спасибо. Я завтра же позвоню къ нему. И о результатѣ непремѣнно сообщу вамъ. До свиданія!..

II.

ПЕРВЫЙ ВИЗИТЪ.

На другой день около двухъ часовъ, звонятъ по телефону.

— Кто говоритъ?—спрашиваю я.

— Ксенія Владиміровна.

— Здравствуйте! Что новаго?

— Новаго у меня не мало. Я сегодня была у „старца".

— Вотъ какъ! Поздравляю васъ. Вы не теряете времени напрасно.

— Мнѣ хотѣлось бы подѣлиться съ вами своими впечатлѣніями. Могу ли я застать васъ сегодня, въ семь часовъ вечера?

Я отвѣчалъ, что буду ждать ее.

Когда въ семь часовъ г-жа Гончарова пріѣхала ко мнѣ, я попросилъ ее разсказать о ея свиданіи съ „прозорливцемъ" возможно подробнѣе.

— Я воспользовалась вашимъ совѣтомъ,—начала г-жа Гончарова,—и сегодня утромъ, въ десятомъ часу, позвонила къ Распутину. Сначала говорила его прислуга, а затѣмъ къ телефону подошелъ онъ самъ.

Я сказала, что желала бы повидать его, чтобы поговорить и посовѣтоваться съ нимъ. Онъ сказалъ: „Ну, что жъ, приходи“.—Когда же?—спросила я.— „Да хоть сейчасъ“.

Я не заставила себя ждать, тѣмъ болѣе, что автомобиль брата былъ свободенъ, и я могла имъ воспользоваться. Черезъ полчаса я была уже въ квартирѣ „прозорливца“.

Большая квартира, хорошо обставленная, мебель въ декадентскомъ стилѣ. Меня встрѣтила прислуга, довольно пожилая женщина, которая и провела меня въ комнату, играющую, повидимому, роль пріемнаго зала.

Тутъ, въ ожиданіи выхода „старца“, сидѣли просители. Ихъ было четверо, трое мужчинъ и одна бѣдно одѣтая, болѣзненнаго вида, дѣвушка. Я очень внимательно осмотрѣла ихъ.

Изъ мужчинъ обращалъ на себя вниманіе представительный господинъ въ безукоризненномъ костюмѣ. Я тотчасъ же рѣшила про себя, что это какой-нибудь вице-директоръ, а, можетъ быть, и директоръ департамента или что-нибудь въ этомъ родѣ. На журфиксахъ у брата я часто встрѣчаю господъ этого ранга и потому привыкла почти безошибочно угадывать ихъ служебное положеніе на іерархической лѣстницѣ.

Недалеко отъ него глубоко въ креслѣ сидѣлъ какой-то инженеръ-путеецъ со значками и орденами, повидимому, желѣзнодорожникъ. У него былъ до

крайности сосредоточенный и озабоченный видъ. Не обращая ни на кого ни малѣйшаго вниманія, онъ, казалось, весь ушелъ въ свои мысли.

Наконецъ, рядомъ съ дверью помѣщался на концѣ стула господинъ среднихъ лѣтъ, провинціальнаго облика, одѣтый въ старый, потертый сюртукъ. Онъ то и дѣло пугливо и трепетно оглядывался на дверь, въ которую долженъ былъ войти „прозорливецъ“.

Но вотъ и онъ самъ. Неслышно ступая ногами, обутыми въ туфли, въ залъ вошелъ Григорій Ефимовичъ.

На немъ была рубашка ярко-лиловаго цвѣта,—настолько яркаго, что, глядя на нее, глазамъ становилось больно. Поясъ съ кистями. Лицо сѣрое, съ морщинами вокругъ глазъ. Темные волосы подстрижены въ скобу. Борода—мочалкой.

Онъ началъ обходить посѣтителей.

— Ты чего?—спросилъ онъ сидѣвшаго около дверей бѣдно одѣтаго господина, который при входѣ „пророка“ быстро вскочилъ съ мѣста и отвѣсилъ ему низкій поклонъ.

— Съ просьбой, Григорій Ефимовичъ, съ покорнѣйшей просьбой... Сдѣлайте божескую милость, войдите въ мое несчастное положеніе...

— Ну, ну, говори, въ чемъ дѣло?—торопилъ Распутинъ.

— Окажите протекцію... Служилъ я по министерству народнаго просвѣщенія, но сейчасъ нахожусь безъ должности... Замолвите словечко.

— Просвѣщеніе... просвѣщеніе... не люблю я этихъ просвѣщеніевъ,—недовольнымъ тономъ говорилъ „прозорливецъ“, испытующе поглядывая на стоявшаго передъ нимъ въ раболѣпной позѣ просителя.

— Семья, Григорій Ефимовичъ... А жить совершенно нечѣмъ. Заставьте вѣчно Бога молить за васъ. Вѣдь вы все можете. Одно ваше слово...

— Ну, ладно, ладно... подожди, я подумаю, а можетъ, напишу тебѣ,—сказалъ Распутинъ и обратился ко мнѣ:—Это ты сейчасъ звонила ко мнѣ?... Какъ бишь твое имя?—спросилъ онъ, заглянувъ мнѣ прямо въ глаза.

— Ксенія Влади...—начала было я, но онъ тотчасъ же перебилъ меня.

— Да, да, Ксенія... Ксенія... У меня уже есть одна Ксенія... Такъ, такъ. Проведи ее въ мою особенную,—сказалъ „старецъ“, обращаясь къ проходившей въ ту минуту прислугѣ.

— Пожалуйте, барышня,—сказала та, обращаясь ко мнѣ.

Я пошла за прислугой, которая черезъ коридоръ провела меня въ небольшую комнату и сказала:

— Посидите здѣсь. Отецъ Григорій сейчасъ придутъ.

Оставшись одна, я съ изумленіемъ осмотрѣла обстановку „особенной“; очевидно эта комната служила и спальней, и въ то же время кабинетомъ для Распутина. Тутъ стояла кровать и умывальный столикъ; послѣдній отличался самымъ примитивнымъ

устройствомъ. Въ простѣнкѣ между окнами стоялъ столъ, на которомъ въ безпорядкѣ были разбросаны письма и телеграммы.

Особенно много было телеграммъ; двѣ изъ нихъ лежали на краю стола около того мѣста, гдѣ я сидѣла. Мнѣ бросились въ глаза крупныя слова, которыми начиналась одна изъ этихъ телеграммъ: „Отецъ Григорій". Чтобы не соблазняться, стараюсь не смотрѣть на письменный столъ.

Сижу въ ожиданіи „пророка" и разсматриваю въ подробностяхъ его „особенную". Взглядъ скользитъ по стѣнамъ, по мебели; забывши о своемъ рѣшеніи, взглядываю на письменный столъ, и въ глаза невольно бросается подпись, стоящая подъ лежавшей сверху телеграммой: „Княгиня NN". Громкая, историческая, извѣстная всей грамотной Россіи фамилія.

„Очевидно, здѣсь не дѣлаютъ секрета изъ телеграммъ; быть можетъ, даже намѣренно афишируютъ ихъ", подумалось мнѣ. И, подавивъ въ себѣ внутренній голосъ, который не переставалъ протестовать, я заглянула въ телеграмму. Она была городская и состояла изъ нѣсколькихъ строчекъ:

„Просимъ глубокоуважаемаго Григорія Ефимовича быть воспріемникомъ нашего малютки. Не откажите пожаловать къ намъ завтра, пятницу, пять часовъ".

Такъ писала титулованная поклонница Распутина, носительница исторической фамиліи, представительница рода Рюриковичей.

Признаюсь, сильнѣйшее желаніе неудержимо влек-

ло меня пересмотрѣть и другія телеграммы, лежавшія на столѣ. Мнѣ казалось, что эти телеграммы могли бы сразу пролить яркій свѣтъ на личность „пророка" и на тѣ причины, которыми вызывалось непонятное, но несомнѣнно огромное вліяніе его, его значеніе въ высокихъ общественныхъ кругахъ.

Искушеніе было слишкомъ велико. Однако, внутренній протестующій голосъ, которому претило столь грубое нарушеніе элементарнѣйшаго правила житейской морали, взялъ верхъ надъ соблазномъ, и, чтобы не подвергать свою волю новому испытанію, я перемѣнила мѣсто и перешла подальше отъ соблазнявшихъ меня телеграммъ.

Я чувствовала себя крайне взволнованной; мнѣ казалось, что лицо мое пылало.

„Если онъ прозорливецъ, если онъ дѣйствительно обладаетъ сколько-нибудь тонкимъ психологическимъ чутьемъ, онъ сразу долженъ понять то, что сейчасъ произошло здѣсь", подумала я.

Черезъ нѣсколько минутъ дверь отворилась, и вошелъ Распутинъ. Онъ попрежнему былъ въ туфляхъ и рубашкѣ. Подойдя ко мнѣ, онъ взялъ стулъ и сѣлъ какъ разъ противъ меня.

— Все народъ,—сказалъ онъ,—не даютъ поговорить.

Онъ пристально посмотрѣлъ на меня и придвинулъ свой стулъ еще ближе ко мнѣ. При этомъ онъ вдругъ коснулся моихъ ногъ и даже слегка стиснулъ ихъ своими ногами.

Возмущенная этимъ, я быстро отодвинулась на своемъ стулѣ и съ негодованіемъ посмотрѣла на него.

Но онъ, повидимому, нисколько не смутился этимъ и тотчасъ же снова придвинулся ко мнѣ на своемъ стулѣ, хотя уже и не пытался болѣе прикасаться ко мнѣ.

— Ты чего серчаешь?—сказалъ онъ спокойнымъ тономъ.—Вишь, какая бѣдовая... А ты не сердись... О чемъ хотѣла поговорить со мной?

Я не сразу отвѣтила, такъ какъ отъ волненія не могла собраться съ мыслями. Пауза.

„Пророкъ" сидитъ и детально разсматриваетъ меня своими зелеными глазами, окруженными цѣлой сѣтью морщинъ.

— Давно была на исповѣди?—спрашиваетъ онъ.

— Давно.

— Не ловко это, не гоже—говоритъ „прозорливецъ" нравоучительнымъ тономъ.

Я хотѣла возразить, такъ какъ по вопросу о частныхъ и періодическихъ покаяніяхъ я много думала и у меня сложилось по этому поводу опредѣленное мнѣніе.

Но Распутинъ вдругъ наклоняется ко мнѣ и неожиданно проводитъ своей рукой по моему лицу, шеѣ и груди.

Этотъ жестъ снова возмутилъ меня. Я опять рѣзко отодвинулась отъ него и бросила ему сурово и строго:

— Что вы дѣлаете?!.. Какъ вы смѣете такъ держать себя?

— А какія у него руки?—въ свою очередь спросилъ я г-жу Гончарову.

— Непріятныя... какія-то корявыя...

— Еще одинъ вопросъ,—продолжалъ я.—Конечно, „жесты“ Распутина, о которыхъ вы разсказываете, возмутительны и недопустимы. Объ этомъ, разумѣется, не можетъ быть двухъ мнѣній. Это ясно само собой. Но все-таки, если не для оцѣнки его личности, то для выясненія причинъ его непонятнаго поразительнаго вліянія, чрезвычайно важно знать побужденія и мотивы, которыми онъ руководствуется въ подобныхъ случаяхъ, или которыми онъ старается, по крайней мѣрѣ, оправдать свои дѣйствія въ глазахъ другихъ людей. Вообще необходимо было бы знать, дѣйствуетъ ли онъ въ этихъ случаяхъ, какъ циникъ, какъ грязный, грубо чувственный человѣкъ, или же, скажемъ, какъ убѣжденный знахарь, какъ врачъ-гипнотизеръ или врачъ-массажистъ, который вѣритъ въ силу своихъ пассъ, своего массажа?

Мнѣ показалось, что мой вопросъ явился нѣсколько неожиданнымъ для г-жи Гончаровой; повидимому, она не допускала даже возможности разсматривать дѣйствія „пророка“ съ точки зрѣнія врача или знахаря.

— Признаюсь вамъ,—сказала она,—я была такъ возмущена пріемами обращенія со мной „старца“, неприличіемъ его „жестовъ“, что мнѣ и въ голову

не пришло анализировать его побужденія въ этомъ случаѣ. Для меня въ тотъ, по крайней мѣрѣ, моментъ его мотивы не возбуждали никакого сомнѣнія.

— Простите, что я перебилъ васъ... Продолжайте, пожалуйста... Что же „прозорливецъ"?

— Какъ ни вѣ чемъ не бывало!—Ты, говоритъ, напрасно серчаешь... А ты не сердись. Я завсегда, говоритъ, одинаково ласковъ... Со всѣми ласковъ.

Въ эту минуту вошла прислуга.

— Васъ спрашиваютъ,—сказала она, обращаясь къ „пророку".

— Хто такой?—недовольнымъ тономъ спросилъ старецъ.

— Адмиралъ Надолбинъ[1]).

— Пущай подождетъ!—насупившись кинулъ „отецъ Григорій".

Прислуга молча уходитъ.

Все то, что произошло, подѣйствовало на меня настолько охлаждающимъ образомъ, что у меня вдругъ пропало всякое желаніе говорить съ „прозорливцемъ" на темы духовнаго и религіознаго характера. Но такъ какъ онъ снова заговорилъ о необходимости возможно чаще „прибѣгать къ исповѣди и покаянію", то я сочла нужнымъ высказать ему свой взглядъ по этому поводу.

Меня всегда возмущала мораль, которую можно формулировать словами: „погрѣши, да покайся". По

---

[1]) Адмиралъ Небольсинъ.

моему убѣжденію, такой взглядъ какъ бы заранѣе подготовляетъ новыя паденія и, такимъ образомъ, неизбѣжно ведетъ къ нравственной деморализаціи.

Эту идею я и развила передъ „старцемъ“, стараясь, конечно, говорить языкомъ, понятнымъ ему, тщательно избѣгая всякихъ иностранныхъ словъ. Тѣмъ не менѣе онъ, повидимому, все-таки не понялъ меня, такъ какъ въ доказательство справедливости своей мысли началъ приводить разные избитые, затасканные попами доводы.

Въ комнату быстро вошла прислуга и сказала „пророку“:

— Васъ къ телефону зовутъ.

— Откудова?..Хто такой?—спросилъ Григорій Ефимовичъ.

— Елена Алексѣевна, изъ Z.

Прислуга назвала одинъ изъ ближайшихъ уѣздныхъ городовъ Петроградской губерніи.[1]) Распутинъ поспѣшно всталъ и сказавъ мнѣ: „Сдѣлай милость, подожди минутку... я сичасъ“, вышелъ изъ комнаты.

А меня сверлилъ вопросъ: въ чемъ же, въ чемъ же сила этого грубаго, невѣжественнаго, неотесаннаго человѣка? Гдѣ причина огромнаго, поразительнаго вліянія, которое онъ оказываетъ на людей самыхъ различныхъ общественныхъ положеній, особенно на женщинъ?

Вернувшись черезъ нѣсколько минутъ, „старецъ“

---

[1]) Царское Село.

выразилъ желаніе продолжать бесѣду, но я не чувствовала расположенія къ этому и, находя, что для перваго раза достаточно, начала прощаться.

Распутинъ выразилъ сожалѣніе, что я ухожу, признался, что я ему очень понравилась,—онъ повторилъ это два, или три раза,—и просилъ меня непремѣнно снова посѣтить его и притомъ „поскорѣе“.

Когда я уходила, онъ пошелъ провожать меня. Идя по коридору, онъ снова сдѣлалъ попытку „погладить“, или помассажировать меня, при чемъ провелъ своими руками по моимъ плечамъ, рукамъ и спинѣ. Въ его движеніяхъ на этотъ разъ мнѣ почудилось что-то явно гадкое, грязное, циничное.

Это снова возмутило меня до глубины души. Я пріостановилась и очень грозно окрикнула его:

— Меня возмущаетъ ваше обращеніе!

Онъ молча стоялъ передо мной, неподвижный и непроницаемый. Выраженіе его глазъ я не могла видѣть. Но мнѣ показалось, что онъ скрипнулъ зубами. Затѣмъ что-то невнятно пробормоталъ.

Я съ презрѣніемъ отвернулась отъ него и поспѣшила поскорѣе выскочить изъ его квартиры. Въ душѣ я уже давала себѣ слово больше никогда не переступать этого порога.

Придя домой, я тотчасъ же умылась одеколономъ и не скоро могла успокоиться...

Слушая г-жу Гончарову, мнѣ одну минуту хотѣлось сказать ей: „А-а, пеняйте на себя, сударыня, васъ предупреждали, но вы и слушать не хотѣли“.

Но, конечно, я этого не сказалъ. Молчала и г-жа Гончарова, видимо, снова обдумывая и взвѣшивая пережитыя впечатлѣнія.

— Теперь, когда я хладнокровно перебираю въ памяти все, что произошло,—начала она,—я вижу, что поступила слишкомъ по-женски, слишкомъ поддалась раздраженію. Меня возмутило и взорвало, что какой-то корявый мужикъ... „гладитъ“ меня по лицу, по спинѣ, нащупываетъ мой корсетъ... И я совсѣмъ забыла о тѣхъ цѣляхъ и задачахъ, которыя себѣ поставила... Да, такъ нельзя. Иначе никогда не раскрыть, не разгадать ту психологическую шараду, какую представляютъ собою поклонницы и почитательницы этого „пророка“... Неужели тутъ только одна ложь, одна грязь?.. Я этого не могу допустить, не могу допустить, чтобы, идя такимъ путемъ, путемъ обмана и лицемѣрія, можно было покорять людей, увлекать ихъ, подчинять ихъ своему вліянію въ теченіе долгихъ лѣтъ... Поэтому отнынѣ я даю себѣ слово запастись хладнокровіемъ, вооружиться терпѣніемъ и употребить всѣ усилія, чтобы разрѣшить эту психологическую загадку...

Я замѣтилъ своей собесѣдницѣ, что, кромѣ психологической стороны, тутъ есть *общественная* сторона, которая въ исторіи похожденій загадочнаго „старца“ имѣетъ огромное значеніе и потому непремѣнно должна быть освѣщена и выяснена.

III.

МИСТИКЪ ИЛИ ЭРОТОМАНЪ?

Прошла недѣля. Заѣхавъ какъ-то ко мнѣ, г-жа Гончарова разсказала о томъ, что произошло за это время. Оказалось, что въ теченіе этой недѣли она два или три раза побывала у „пророка“.

— Хотя въ послѣдній разъ,—говорила она, я очень рѣшительно заявила вамъ о своемъ желаніи непремѣнно продолжать знакомство съ Распутинымъ, тѣмъ не менѣе я не спѣшила воспользоваться его приглашеніемъ посѣтить его. Претило какъ-то. Воспоминаніе о его попыткахъ „гладить“, „массажировать“, нащупывать корсетъ, каждый разъ поднимало во мнѣ такое острое чувство возмущенія и негодованія, что я рѣшительно не въ силахъ была заставить себя снова поѣхать къ нему...

Какъ-то рано утромъ я была еще въ постели, когда горничная вошла и сказала, что меня зовутъ къ телефону.

Было всего около восьми часовъ утра. Я удивилась, кто такъ рано могъ звонить ко мнѣ.

Беру трубку и слышу глухой мужской голосъ:

— Это ты, Ксенія?

Удивленная, я спрашиваю, кто у телефона?

Тотъ же глухой голосъ продолжалъ:

— Что же ты, душка, не приходишь ко мнѣ?

Слово *душка* ударило, ошеломило меня, я чуть удержалась на ногахъ. Хотѣла бросить трубку, но въ тотъ же мигъ вдругъ догадалась, что это говоритъ Распутинъ.

— Я соскучился о тебѣ,—продолжалъ тотъ же глухой голосъ.—Отчего ты такъ долго не была у меня?

Я не была у него ровно три дня. Это показалось ему слишкомъ „долго".

— Приходи, я буду тебя ждать.

— У васъ кто-нибудь есть?—спросила я, не зная, что сказать.

— Есть кое-кто... Не много.

Затѣмъ, очевидно, сосчитываетъ своихъ посѣтителей и говоритъ:

— Пятеро.

Я сказала ему, что собираюсь посѣтить его на этихъ дняхъ.

Распутинъ началъ усиленно просить, чтобы я пріѣхала къ нему въ тотъ же день. Я пообѣщала.

Въ этотъ разъ мнѣ удалось довольно долго говорить съ нимъ, хотя по временамъ нашу бесѣду и прерывали доклады прислуги о пріѣздѣ тѣхъ или иныхъ посѣтителей и вызовы его къ телефону. Хотя я и старалась наводить разговоръ на интересующія

меня темы, но это не особенно удавалось мнѣ, такъ какъ „пророкъ", видимо, предпочиталъ говорить о томъ, что занимало лично его.

Я должна сказать, что эта бесѣда сильно разочаровала меня въ Распутинѣ, такъ какъ онъ не обнаружилъ въ ней ни особаго ума, ни чуткости, ни начитанности въ Священномъ Писаніи, ни энтузіазма и паѳоса, которыми обыкновенно говорятъ искренно вѣрующіе люди, мистики, проповѣдники религіозныхъ идей, которыя имъ дороги и святы.

Точно такъ же и въ спорѣ со мной „пророкъ" не обнаружилъ никакой находчивости. Иногда онъ пытался ссылаться на Евангеліе, но при этомъ ни одного текста не могъ привести какъ слѣдуетъ: все ошибался, путалъ, передавая слова писанія крайне неточно, съ явнымъ искаженіемъ смысла. Я должна была то и дѣло поправлять его. Въ спорѣ онъ былъ очень сдержанъ,—настолько, что мнѣ все время казалось, что онъ чего-то не договариваетъ, о чемъ-то намѣренно умалчиваетъ, что-то скрываетъ.

На мои разспросы онъ между прочимъ сказалъ мнѣ, что 30 лѣтъ ходитъ по землѣ, ищетъ Бога.

— Ну, и что же, нашли?—спросила я.

— Нашелъ... Богъ въ духѣ.

— Въ какомъ духѣ? Что это значитъ?

— Это тайна.

Вообще онъ любитъ ссылаться на тайну.

Во время нашей бесѣды разговоръ между прочимъ не разъ касался любви.

— Любовь—одна хмара,—говорилъ „старецъ“.— Только та любовь хороша, когда ты любишь и своей любовью человѣка къ истинѣ приводишь.

— А что такое истина по-вашему?—спросила я.

— Истина—въ тайнѣ,—загадочно отвѣчалъ „пророкъ“.

„Играетъ словами или скрытничаетъ“, подумалось мнѣ.

— А ты въ любовь вѣришь?—спросилъ Распутинъ.

— Конечно, вѣрю, но вѣдь разные люди различно понимаютъ любовь, и у разныхъ людей она проявляется различно. Вѣдь и вы говорите, что одна любовь—хмара, а другая—истинная.

Но „пророкъ“, повидимому, совсѣмъ не давалъ себѣ труда вникать въ мои слова, не обращалъ никакого вниманія на мои замѣчанія и оговорки: онъ продолжалъ твердить свое:

— Въ любовь надо вѣрить: весь міръ въ любви... Безъ любви ничего не сдѣлаешь... Вотъ я тебя шибко полюбилъ... Во-какъ!! Ты теперь во мнѣ, въ моей душѣ сидишь... А ты меня не хочешь любить.

— Я не знаю, о какой любви вы говорите. Если вы говорите о той любви, которая выражается въ вашихъ ласкахъ, то она мнѣ совсѣмъ не нужна. И ваши ласки мнѣ не нужны... Слышите вы?

— Ты все о тѣлѣ думаешь,—возражалъ Распутинъ.—А тѣло—преграда для души. Нужно о душѣ заботу имѣть, а мы все больше о тѣлѣ думаемъ,— опять наставническимъ тономъ произнесъ онъ.

Подумавъ немного, онъ продолжалъ:

— Въ моихъ ласкахъ—большая тайна... Мужчины всегда думаютъ только о себѣ и о своемъ тѣлѣ. А я только вполовину и для духа... Я даю людямъ такое большое счастье, но ты сама не хочешь этого... Пока ты не захочешь, я ничего не могу сдѣлать для тебя.

„Пророкъ" говорилъ это со значительнымъ видомъ, но для меня смыслъ его словъ былъ теменъ и непонятенъ. При этомъ мнѣ вспомнились тѣ женщины изъ низовъ и верховъ нашего общества—поденщицы, крестьянки, графини, княгини, фрейлины,—которыя слѣпо идутъ за этимъ темнымъ человѣкомъ, которыя считаютъ его святымъ, пророкомъ, живымъ Богомъ.

— Чѣмъ онъ покорилъ ихъ? Что онѣ нашли въ немъ?—съ изумленіемъ спрашивала Ксенія Владиміровна, пожимая плечами.

— Вамъ нужно поближе познакомиться съ послѣдовательницами „пророка", — сказалъ я, — поближе сойтись съ ними,—только тогда вы можете уяснить себѣ природу и характеръ ихъ увлеченія, ихъ психологію.

— Я непремѣнно сдѣлаю это при первой возможности,—замѣтила г-жа Гончарова.

— Замѣчаете ли вы въ Распутинѣ способность къ гипнозу?—спросилъ я свою собесѣдницу.

— Лично я не испытываю ни малѣйшаго вліянія „пророка" на мою волю. Между тѣмъ мнѣ въ моей

жизни приходилось обращаться къ гипнотизерамъ и въ Москвѣ, и въ Петроградѣ, и тогда я довольно легко поддавалась вліянію гипноза.

Другой вопросъ, который меня сильно интересовалъ, былъ вопросъ объ источникахъ существованія Распутина, о его экономическомъ и матеріальномъ положеніи. Какъ извѣстно, „пророкъ" ни сѣетъ, ни жнетъ, но въ житницу собираетъ. И собираетъ, можно сказать, чрезвычайно успѣшно.

Хозяйства онъ не ведетъ, никакимъ производительнымъ трудомъ не занимается, никакого заработка, никакой службы у него нѣтъ. И тѣмъ не менѣе благосостояніе его быстро растетъ, достатокъ и средства увеличиваются чуть ли не съ каждымъ днемъ. Его домъ въ селѣ Покровскомъ—полная чаша; комнаты устланы дорогими, прекрасными коврами; много цѣнныхъ вещей... Откуда эти средства? Какимъ путемъ они притекаютъ къ нему?.. Говорятъ, все это—подарки высокопоставленныхъ особъ. Правда ли это?

Я полюбопытствовалъ узнать отъ Ксеніи Владиміровны, не просилъ ли ее о чемъ-нибудь Распутинъ.

Нѣтъ, оказывается, не просилъ.

— Только разъ какъ-то онъ сказалъ мнѣ: „Вышей мнѣ рубашку. Мнѣ хочется имѣть рубашку, вышитую твоими руками". Я отвѣтила, что очень плохо вышиваю. Онъ сказалъ:

— Ничего, отъ тебя всякая будетъ хороша.

— А какъ держалъ себя „пророкъ“ съ вами во время послѣднихъ свиданій?—спросилъ я.

— Несмотря на то, что нашъ разговоръ имѣлъ все время характеръ дѣловой бесѣды, „старецъ“ отъ времени до времени все-таки возобновлялъ свои попытки „погладить“ и „помассажировать“ мои плечи и грудь, но, наученная опытомъ, я въ тотъ же моментъ, при первыхъ движеніяхъ его руки, давала ему быстрый и рѣзкій отпоръ, послѣ чего онъ съеживался, а въ его глазахъ загорались злые огоньки.

Въ эти минуты я не разъ отчетливо слышала, какъ онъ скрипѣлъ зубами.

— Вообще его обращеніе, его „ласки“ возмущаютъ меня. Онѣ противны и непереносимы для меня. Но онъ явно не считается съ моимъ негодованіемъ, игнорируетъ его. Въ послѣдній разъ,—это было вчера,—когда я пріѣхала къ нему по его просьбѣ, онъ, видимо, былъ очень радъ моему появленію. Но тотчасъ же послѣ того, какъ я поздоровалась съ нимъ, онъ вдругъ выпалилъ:

— Поцѣлуй меня!

— Вы съ ума сошли? Съ какой стати? Какъ вы смѣете это говорить мнѣ!

А онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжаетъ:—Постой, постой... Ишь ты какая... Ну, ладно, коли ты не хочешь меня поцѣловать, то давай я тебя поцѣлую.

И наклоняется, чтобы поцѣловать меня, тянется къ губамъ. Я, конечно, отстраняюсь отъ него, но

онъ все-таки успѣваетъ, хотя вскользь, прикоснуться своими губами къ моему лицу... Отвращеніе!..

— Повидимому, Распутинъ не на шутку увлеченъ вами,—сказалъ я.

— Со своей стороны я ничего для этого не сдѣлала и всего менѣе этого желаю.

— Конечно, это произошло помимо вашего желанія... Помните, Тургеневъ говорилъ, что никто не увлекается такъ быстро, какъ безстрастные люди... Вамъ предстоитъ нелегкій трудъ разобраться въ этомъ дикомъ конгломератѣ мистицизма, эротоманіи и политики, распутать этотъ клубокъ религіозныхъ порывовъ и половыхъ, сексуальныхъ эмоцій, переплетающихся съ реакціонными вождѣленіями и заданіями.

— Вчера,—говорила г-жа Гончарова,—онъ два раза сказалъ мнѣ: „Полюбилась ты мнѣ шибко"...

— Я сухо отвѣчала ему, что не понимаю его любви, не понимаю того вліянія, какое онъ оказываетъ на людей, особенно на женщинъ, не понимаю, что находятъ въ немъ его почитательницы, которыхъ я считаю психически больными и о которыхъ я отъ души сожалѣю.

Онъ выслушалъ меня и затѣмъ сказалъ:

— Все поймешь, Ксенія, все тебѣ объясню... только приди ко мнѣ ночью.

Я не вѣрила своимъ ушамъ. Едва сдерживая себя, сурово и строго спросила его:

— Вы, кажется, бредите?.. Что такое вы говорите? Какъ ночью?..

— Ну, вечеркомъ, попозднѣе... такъ часиковъ въ одиннадцать,—говорилъ Распутинъ.—А то днемъ-то все народъ—мѣшаютъ... не даютъ поговорить, въ телефонъ звонятъ.

— Вы говорите вздоръ. Въ одиннадцать часовъ меня и родные не пустятъ.

— Ну, ладно, въ десять, приходи въ десять, только не раньше. Я буду ждать тебя въ эту субботу, послѣ завтра, стало быть. Только смотри—безпремѣнно пріѣзжай.

Я сказала, что подумаю. Но онъ продолжалъ неотступно просить меня непремѣнно пріѣхать къ нему въ субботу.

Тогда я сказала, что постараюсь пріѣхать, если не встрѣтится какихъ-нибудь препятствій.

Ксенія Владиміровна замолчала.

— Ну, и какъ же вы рѣшаете теперь,—спросилъ я послѣ нѣкоторой паузы г-жу Гончарову,—поѣдете или не поѣдете завтра къ „пророку“?

— Рѣшила ѣхать,—сказала она.

Я вопросительно посмотрѣлъ на нее.

— Во-первыхъ, мнѣ не хочется, чтобы онъ подумалъ, что я боюсь его. Даже въ физическомъ смыслѣ онъ представляется мнѣ ничтожнымъ человѣкомъ: небольшого роста, развинченный какой-то. А, во-вторыхъ, мое любопытство затронуто въ высшей степени. Быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ завтра мнѣ

удастся раскрыть ту тайну, которой этотъ загадочный субъектъ обязанъ своимъ вліяніемъ. Физическаго насилія съ его стороны я не опасаюсь уже по одному тому, что чувствую себя слишкомъ сильной... Да, да, не удивляйтесь; я долго занималась гимнастикой и спортомъ, систематически развивала свои мускулы и потому совершенно увѣрена въ томъ, что даже при столкновеніи съ нимъ побѣда будетъ на моей сторонѣ. Наконецъ, я могу взять съ собой револьверъ. А я прекрасно стрѣляю.

Конечно, все это показалось мнѣ черезчуръ наивнымъ и фантастичнымъ. Я началъ зло подтрунивать надъ отважной спортсменкой и надъ ея воинственными планами, убѣждая ее отказаться отъ рискованнаго посѣщенія.

Къ удивленію моему, г-жа Гончарова упорно отстаивала свое рѣшеніе ѣхать къ Распутину завтра вечеромъ. На этомъ мы и разстались. Это было въ пятницу на масленицѣ.

На другой день около полудня Ксенія Владиміровна телефонировала мнѣ: „Мой планъ потерпѣлъ крушеніе, и я снова принуждена обратиться къ вамъ съ большой просьбой. Мнѣ необходимо видѣть васъ. Могу ли я сегодня застать васъ около двухъ часовъ?“

Я отвѣчалъ, что буду ждать ее.

Пріѣхавъ ко мнѣ, г-жа Гончарова сообщила, что ея братъ и belle soeur рѣшительно воспротивились тому, чтобы она отправилась одна къ Распутину вечеромъ.

— Такъ поздно... одна... это совершенно невоз-можно,—говорили они.—„Старецъ“ можетъ услать свою прислугу и, такимъ образомъ, ты чуть не ночью очутишься съ нимъ съ глазу на глазъ въ пу-стой квартирѣ. Это недопустимо, это немыслимо, особенно при его странностяхъ, при его неумѣні держать себя корректно,—и т. д.

— Конечно, въ душѣ я не могла не сознавать, что они въ значительной степени были правы. Разумѣ-ется, я совсѣмъ не желаю итти на какую-нибуд грубую, безобразную сцену. И это заставило меня согласиться съ моими родными. Однако, въ то же время мнѣ отнюдь не хотѣлось отказаться отъ мыс-ли посѣтить „старца“, не хотѣлось уклониться отъ его настойчиваго приглашенія, такъ какъ я надѣюсь что это свиданіе можетъ много уяснить мнѣ изъ то-го, что остается для меня загадкой.

— Тогда я вспомнила о васъ,—продолжала г-жа Гончарова,—и высказала свое предположеніе, что быть можетъ, вы не откажетесь сопровождать мен сегодня къ „пророку“. Мои родные сейчасъ же ухва-тились за эту мысль. Такимъ образомъ, вопросъ томъ, поѣду я сегодня къ Распутину или нѣтъ, все цѣло зависитъ отъ васъ. Конечнр, вы очень обязал бы меня, если бы согласились вмѣстѣ со мной поѣ-хать вечеромъ къ „пророку“.

— Вы даете мнѣ очень рѣдкій случай понаблю-дать знаменитаго „прозорливца“ при весьма необыч-ной, почти интимной обстановкѣ. Понятно, что я с

удовольствіемъ готовъ воспользоваться вашимъ предложеніемъ,—отвѣчалъ я.

— Значитъ, ѣдемъ!—съ видимымъ удовольствіемъ сказала моя собесѣдница.

Вечеромъ, безъ четверти десять, мы сѣли на извозчика. Ксенія Владиміровна сообщила мнѣ, что часъ назадъ Распутинъ по телефону снова ей напомнилъ, что онъ ждетъ ее, и просилъ не опоздать.

— Воображаю, какую физіономію скроитъ „отецъ Григорій“, когда увидитъ, что вы не одна!—говорю я своей спутницѣ.

Ксенія Владиміровна весело смѣется, прикрывая лицо большой модной муфтой.

— Онъ не проститъ вамъ такого коварства,—продолжаю я.—Вообще нужно признаться, что на этотъ разъ у насъ съ вами очень мало шансовъ разсчитывать на любезный пріемъ со стороны „пророка“. Особенно у меня.

— Вы правы. Но тѣмъ интереснѣе ваше положеніе, какъ наблюдателя и изслѣдователя.

Подъѣзжая къ Англійскому проспекту, я спросилъ г-жу Гончарову:

— А что вы скажете, если „старецъ“ по своей прозорливости сразу разгадаетъ нашъ заговоръ? Согласитесь, что для этого не потребуется особенно большой проницательности.

— Не вѣрю я въ его прозорливость!—сказала моя спутница, сходя съ извозчика и направляясь въ ярко освѣщенный подъѣздъ.

Домъ, въ которомъ жилъ тогда „пророкъ“, былъ новый, благоустроенный, въ „декадентскомъ“ или, точнѣе, въ ново-скандинавскомъ стилѣ. Швейцаръ суетливо усаживаетъ насъ въ комфортабельный лифтъ.

Едва успѣла Ксенія Владиміровна прикоснуться къ электрической кнопкѣ звонка, какъ дверь уже открылась. Открылъ самъ „старецъ“. Очевидно, заслышавъ поднимающійся лифтъ, онъ ждалъ въ передней, около самой двери.

Первой вошла г-жа Гончарова, за ней—я. Я видѣлъ, какъ лицо „пророка“ при моемъ появленіи вдругъ потемнѣло, и онъ молча отступилъ на нѣсколько шаговъ въ глубь передней—большой комнаты, освѣщенной электричествомъ.

Онъ былъ въ поддевкѣ тонкаго сукна и лакированныхъ высокихъ сапогахъ.

Ксенія Владиміровна съ непринужденностью свѣтской дамы начала говорить о томъ, что ея родные не хотѣли отпустить ее одну въ такое позднее время и просили меня сопровождать ее.

Распутинъ, замѣтно насупившись,—хмурый, мрачный и неподвижный,—продолжалъ молчать, глядя изподлобья то на меня, то на мою спутницу. Отъ этого упорнаго молчанія мнѣ становилось неловко, хотя въ душѣ я чуть удерживался отъ смѣха. Въ то же время Ксенія Владиміровна, видимо, не чувствовала ни малѣйшаго смущенія, быстро раздѣваясь и оправляя свою прическу.

Наконецъ, „о. Григорій“ собрался съ духомъ; очевидно, понявъ, что дальнѣйшее молчаніе невозможно, онъ открылъ дверь съ лѣвой стороны отъ входа и глухо и отрывисто проговорилъ:

— Прошу покорно!

Это было сказано холоднымъ, сухимъ, офиціальнымъ тономъ, въ которомъ нетрудно было уловить ноты плохо скрытаго раздраженія.

Мы входимъ въ комнату продолговатой формы, посерединѣ которой стоялъ большой столъ, уставленный роскошными корзинами чудныхъ живыхъ цвѣтовъ. Въ воздухѣ пахло ландышами, которыхъ тутъ было особенно много. Пріятно дышать ароматомъ ландышей въ февралѣ мѣсяцѣ.

Кромѣ цвѣтовъ, на столѣ стояли: вазы съ фруктами, кондитерскій тортъ, банка съ вареньемъ и бутылка вина, завернутая въ тонкую, цвѣтную бумагу, очевидно только что принесенная изъ магазина.

— „Цвѣты, фрукты и вино!—невольно подумалось мнѣ.—Обстановка точь-въ-точь какъ у Мопассана, когда онъ описывалъ интимныя свиданія своихъ пылкихъ героевъ и героинь“.

Но что я вижу?.. Распутинъ, какъ только вошелъ въ комнату, тотчасъ же направился къ столу и, стараясь это сдѣлать незамѣтно для насъ, взялъ бутылку, завернутую въ тонкую розовую бумагу и вышелъ въ сосѣднюю комнату. Черезъ минуту онъ вернулся къ намъ уже безъ бутылки.

Очевидно, вино теперь было уже не нужно и его необходимо было припрятать.

Я видѣлъ, какъ моя спутница кусала себѣ губы, чтобы не расхохотаться.

Выраженіе лица Распутина, темнаго и волосатаго, съ широкими чувственными губами, попрежнему было сдержанное и недовольное.

Но о вечерѣ, проведенномъ нами у „пророка",— въ слѣдующей главѣ.

IV.

ВЕЧЕРЪ У РАСПУТИНА.

— Да у васъ здѣсь цѣлый цвѣтникъ!—воскликнула Ксенія Владиміровна, подходя къ стоявшему посрединѣ комнаты длинному столу, на которомъ были разставлены корзины съ живыми цвѣтами.—Какая прелесть!... Какіе чудные цвѣты у васъ, Григорій Ефимовичъ,—восторгалась она, любуясь благоухавшими ландышами, розами, гіацинтами и вдыхая ихъ ароматъ.

— Мм... да... ничего цвѣточки,—мямлилъ „старецъ", подвигаясь вслѣдъ за гостьей. Онъ попрежнему держался очень сдержанно и, видимо, продолжалъ дуться. Больше молчалъ, ограничиваясь краткими репликами на вопросы Ксеніи Владиміровны.

Раза два, подъ какими-то предлогами, онъ выходилъ даже изъ комнаты, оставляя насъ однихъ. Возвращаясь, онъ подозрительно взглядывалъ то на Ксенію Владиміровну, то на меня и продолжалъ хмуриться.

— Вы, должно быть очень любите цвѣты?—говорила Ксенія Владиміровна.

— Хто? Я-то?... Нѣ!.. Ни къ чему,—равнодушнымъ тономъ сказалъ Григорій Ефимовичъ.

— Какъ?! Неужели не любите?—удивилась молодая дама.

„Старецъ“ покрутилъ головой.

— Нѣ!.. Сирень,—ту люблю, а энтихъ цвѣточковъ... не обожаю.

— Не обожаете?—тономъ, не лишеннымъ лукавства, переспрашивала Ксенія Владиміровна.—Но въ такомъ случаѣ какъ же вамъ не совѣстно тратить столько денегъ на цвѣты? Вѣдь это же стоитъ большихъ денегъ.

Распутинъ вдругъ осклабился. На сумрачномъ лицѣ появилась усмѣшка, и онъ, ухмыляясь, проговорилъ:

— Да нешто я ихъ покупалъ?!

И затѣмъ явно презрительнымъ тономъ добавилъ:—Была нужда!...

— А-а-а, такъ это вамъ дарятъ ваши поклонницы!—воскликнула съ невиннымъ видомъ Ксенія Владиміровна.—Да?.. Ну какой же вы счастливый, Григорій Ефимовичъ.

Распутинъ разстегнулъ свою поддевку, оправилъ бывшую на немъ синюю шелковую рубаху и заложилъ руки за поясъ.

— Если я иногда завидую богатымъ, то только потому, что они имѣютъ возможность всегда имѣть живые цвѣты,—сказала Ксенія Владиміровна, обращаясь ко мнѣ.

Вдругъ она воскликнула:

— Нѣтъ, нѣтъ, вы подойдите сюда! Вы посмотрите, что за это за роскошь!

Посрединѣ стола стояла огромная, роскошная корзина, наполненная чудными бѣлыми, алыми, пунцовыми розами, сверкавшими свѣжестью своихъ лепестковъ и распространявшими въ воздухѣ тонкій ароматъ.

Ксенія Владиміровна съ восхищеніемъ, почти съ экстазомъ любовалась цвѣтами.

— „Какъ хороши, какъ свѣжи были розы!“—вдругъ мечтательно продекламировала она.—Но вѣдь это же безумно дорого!.. Григорій Ефимовичъ! Нескромный вопросъ: кто подарилъ вамъ эти розы.

— Z прислала,—проговорилъ Распутинъ, почесывая животъ.

Онъ назвалъ одну очень высокопоставленную особу,—настолько высокопоставленную, что, услышавъ ея имя, Ксенія Владиміровна вдругъ прикусила язычекъ и умолкла на нѣсколько минутъ [1]).

Съ краю стола, гдѣ я сидѣлъ, лежала пачка писемъ и пакетовъ, адресованныхъ на имя Григорія Ефимовича Распутина. Я спросилъ, что это за письма.

— А это сегодня съ почтой пришли,—сказалъ „пророкъ“.—Ко мнѣ много приходитъ писемъ и пакетовъ. Отъ разныхъ лицъ. Со всей Россіи присылаютъ... Сегодня еще немного,—продолжалъ онъ,

---

[1]) Распутинъ сказалъ: „Царица прислала“.

беря письма и пересчитывая ихъ.—Всего пять. Вчера больше было.

— Давайте, я прочту вамъ эти письма,—предложила Ксенія Владиміровна.

— Ну, что же, почитай, потрудись,—сказалъ Григорій Ефимовичъ, передавая ей одинъ изъ пакетовъ.

— Я буду вашимъ секретаремъ,—продолжала Ксенія Владиміровна.—Хотите?

Въ ея тонѣ вдругъ послышались какія-то новыя, заигрывающія нотки, точно она была не прочь пококетничать съ „прозорливцемъ".

Распутинъ что-то невнятно пробормоталъ о томъ, что хорошо бы имѣть такую „секлетаршу". Онъ сѣлъ на кушетку, около Ксеніи Владиміровны и приготовился слушать.

Началось чтеніе.

Писалъ волостной писарь одной изъ губерній западной Сибири. Витіевато, канцелярскимъ слогомъ расписывалъ онъ о томъ, какъ много трудовъ положилъ на пользу службы и какъ всегда изъ всѣхъ силъ старался угодить начальству. Однако, несмотря на это, благодаря проискамъ какихъ-то недоброжелателей, неожиданно былъ уволенъ отъ должности безъ всякой причины и вины со своей стороны. И вотъ онъ съ большой семьей остался безъ всякихъ средствъ, терпитъ страшную нужду, голодъ и холодъ и потому обращается къ высокоуважаемому Григорію Ефимовичу съ нижайшей просьбой похлопотать за него передъ сильными людьми, которые могли бы

предоставить ему должность волостного писаря, хотя бы въ другой губерніи.

— Что вы сдѣлаете съ этимъ прошеніемъ?—спросила Ксенія Владиміровна.

„Старецъ" глубокомысленно помолчалъ, подвигалъ губами, а затѣмъ въ свою очередь предложилъ вопросъ:

— Это кому слѣдуетъ? Къ Кулакову[1]), што ли?

— Да, это въ его вѣдомствѣ.

— Стало быть, надо послать Кулакову... Онъ сдѣлаетъ!—увѣренно проговорилъ „пророкъ".—Хорошій человѣкъ... Безпремѣнно исполнитъ... Ну, теперь почитай исшо это прошеніе.

Ксенія Владиміровна опять начала читать, а Распутинъ уставилъ свой тяжелый, неподвижный взглядъ на чтицу. Но мнѣ казалось, что онъ не столько слушалъ свою „секлетаршу", сколько разсматривалъ ея открытую шею, ея бюстъ, ея руки, очень красивой формы, открытыя отъ локтя.

На этотъ разъ писалъ начальникъ станціи одной изъ южныхъ желѣзныхъ дорогъ. Многословно излагалъ онъ всю свою служебную карьеру „съ маленькихъ должностей" на какомъ-то захолустномъ полустанкѣ въ степи. Постепенно достигъ „высокой" должности начальника на крупной, торговой станціи. Былъ совершенно счастливъ и доволенъ своей судьбой и службой, какъ вдругъ—крахъ, и онъ остается

---

[1]) Министръ внутреннихъ дѣлъ Н. А. Маклаковъ.

безъ мѣста, выброшенъ на улицу. Проситъ и молитъ Григорія Ефимовича оказать ему милость и посодѣйствовать въ назначеніи на новую должность.

— А это къ кому?—опять спросилъ Распутинъ, адресуясь къ Ксеніи Владиміровнѣ.

Она назвала фамилію лица, стоявшаго во главѣ желѣзнодорожнаго вѣдомства[1]).

— Такъ... такъ... знаю, я ему много посылалъ этихъ самыхъ прошеніевъ. Сначала онъ все исполнялъ, какъ слѣдуетъ быть, съ охотой, ну, а теперь— не того.

— Что же? Отказывается?

— Ну, нѣтъ, не то штобъ отказывается, но только не попрежнему. Недавно я ему одиннадцать прошеніевъ послалъ, а онъ изъ нихъ всего только шесть исполнилъ.

— Ну, что же,—замѣтила Ксенія Владиміровна,— шесть изъ одиннадцати. Вѣдь это же очень хорошо.

— Чего тутъ хорошаго,—съ хмурымъ, недовольнымъ видомъ буркнулъ Распутинъ.—Нѣтъ, не буду я посылать ему...

Онъ взялъ прошеніе, разорвалъ его и бросилъ въ каминъ.

Третье прошеніе было отъ какой-то купеческой вдовы, которая слезно жаловалась на свою судьбу, такъ какъ послѣ смерти мужа дѣла пришли въ полное разстройство; не зная, какъ выйти изъ тяжкаго

---

[1]) Министра путей сообщенія Рухлова.

положенія, она умоляетъ „пророка“ помолиться за нее и помочь ей „сколько возможно“.

— Отложи,—внушительно сказалъ „старецъ“, обращаясь къ Ксеніи Владиміровнѣ, и, подавая ей другое письмо, прибавилъ:—На-ко, почитай энто письмо.

Торговецъ лѣсомъ съ Волги сообщалъ объ упадкѣ торговли и о пожарѣ, который уничтожилъ его домъ со всѣмъ дворомъ и имуществомъ. Просилъ о помощи.

— Ну-ка, исшо,—сказалъ отецъ Григорій, подавая Ксеніи Владиміровнѣ послѣднее письмо.

Въ немъ петроградская „трезвенница“, послѣдовательница „братца Іоанна Чурикова“, содержательница меблированныхъ комнатъ, просила Распутина похлопотать и посодѣйствовать, чтобы были разрѣшены собранія и проповѣди братца, неправильно запрещенныя по проискамъ миссіонеровъ.

Въ письмѣ много говорилось объ огромныхъ связяхъ и вліяніи „прозорливца“ въ высокихъ кругахъ и выражалась увѣренность, что, если онъ только захочетъ, то все будетъ сдѣлано согласно его желанію.

— Надо бы помочь,—сказалъ Распутинъ,—я энту женщину знаю. Да и братца знаю.

Подумавъ нѣсколько минутъ, онъ всталъ, вышелъ въ другую комнату, принесъ оттуда чернильницу и перо и началъ что-то писать на прошеніи трезвенницы.

Въ корявыхъ пальцахъ неловко торчало перо. Старательно выводя какія-то каракули, „старецъ“ все время сопѣлъ.

Закончивъ писаніе, онъ передалъ прошеніе Ксеніи Владиміровнѣ, замѣтивъ:

— Надо бы припечатать. Завтра энта женщина придетъ за отвѣтомъ, я ей отдамъ пакетъ, а она отнесетъ его Данскому.

— Къ кому?—съ удивленіемъ переспросила Ксенія Владиміровна.

— Къ Данскому, помощнику С.

Старецъ назвалъ нѣмецкую фамилію лица, стоявшаго тогда во главѣ духовнаго управленія[1]).

— Боже мой, но вѣдь онъ же обидится на васъ!—воскликнула Ксенія Владиміровна.—Что вы тутъ написали!

Она передала мнѣ прошеніе, на поляхъ котораго крупными каракулями красовалась резолюція:

„Петруся зделаи етим людям што можна

Григорій“.

— Кто такой этотъ Петруся?—спросилъ я Распутина.

— А Петръ Степанычъ... Петръ Степанычъ Данской[2])... И ты это напрасно,—сказалъ „пророкъ“, обращаясь къ Ксеніи Владиміровнѣ,—ничаво онъ не обидится... Не впервой.

— Однако, какъ-никакъ онъ все-таки сановникъ... Если не ошибаюсь, тайный совѣтникъ... на правахъ

---

[1]) Оберъ-прокуроръ св. синода В. К. Саблеръ.

[2]) Помощникъ оберъ-прокурора синода Петръ Степановичъ Даманскій.

товарища министра,—говорила дѣловымъ тономъ Ксенія Владиміровна.

— Пущай его!.. Для кого—совѣтникъ, а для меня—Петруся.

Ксенія Владиміровна, пожавъ плечами, начала заклеивать конвертъ съ прошеніемъ трезвенницы.

— Ну, спасибо,—сказалъ Григорій Ефимовичъ,—завтра отдамъ ей, когда она придетъ... Ко мнѣ много народу ходитъ. Каждый день. Приходи какъ-нибудь поутру, часовъ въ девять,—увидишь, сколько у меня всякаго народа бываетъ,—сказалъ Распутинъ Ксеніи Владиміровнѣ.

— Кто же больше всего обращается къ вамъ?—спросилъ я.

— Разные... И сѣрый народъ, и изъ чистой публики... Много духовныхъ обращается.

— Священники?—спросилъ я.

— Да, и священники и монашествующіе... и синодскіе... всякаго сословія.

— А духовныхъ вы куда же направляете?

— Какъ куда?—переспросилъ „отецъ Григорій".—Да тоже къ разнымъ лицамъ, глядя по дѣлу... Больше къ Петрусѣ,—онъ завсегда сдѣлаетъ, что нужно... Услужливый на рѣдкость.

Въ теченіе вечера Ксенія Владиміровна нѣсколько разъ пыталась завести разговоръ на тему о причинахъ вліянія „старца" вообще и въ особенности его успѣха у женщинъ. Нужно отдать ей справедливость, она дѣлала это очень тонко, искусно, дипломатиче-

ски. Однако, „пророкъ“ не поддавался на удочку. Онъ явно не желалъ касаться этихъ вопросовъ; въ его глазахъ загорались какіе-то безпокойные огоньки, онъ хмурился и подозрительно посматривалъ то на свою собесѣдницу, то на меня. Очевидно, онъ не находилъ удобнымъ вести разговоръ на эти темы въ присутствіи третьяго лица.

Со своей стороны онъ поинтересовался узнать, какъ я прихожусь Ксеніи Владиміровнѣ.

— Онъ мой дядя,—выпалила она, смотря на „прозорливца“ невинными глазами.

Думаю, что „пророкъ“ не повѣрилъ этому, хотя онъ и не подалъ никакого вида, а только спросилъ, съ чьей стороны я прихожусь дядей.

— Со стороны матери,—импровизировала Ксенія Владиміровна.

— А кто твой отецъ?—полюбопытствовалъ Григорій Ефимовичъ.

— Генералъ,—съ гордымъ видомъ бросила Ксенія Владиміровна.

Распутинъ все еще сохранялъ сумрачный, нахохленный видъ, говорилъ мало и сдержанно, но взглядъ его все чаще и чаще останавливался на его молодой собесѣдницѣ. Все время, пока Ксенія Владиміровна читала письма, онъ не спускалъ съ нея глазъ.

„Ужъ не гипнотизируетъ ли онъ ее?“ думалось мнѣ.

Ксенія Владиміровна, сидя на маленькой кушеткѣ, какъ-то лукаво и въ то же время иронически посматривала на „пророка“,

Вдругъ я вижу, какъ она быстрымъ, привычнымъ жестомъ вынимаетъ изъ волосъ гребенки и шпильки, дѣлаетъ легкое движеніе головой, и въ тотъ же моментъ волна темно-русыхъ волосъ разсыпалась по ея плечамъ и спинѣ. Изъ рамки густыхъ, пышныхъ волосъ выглянуло оживленное, раскраснѣвшееся лицо съ тонкими, красивыми чертами.

Я съ большимъ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на нее, не понимая, зачѣмъ это она дѣлаетъ, къ чему эта игра.

Въ глазахъ Распутина забѣгали зеленые, хищные огоньки сладострастника. Онъ вышелъ въ сосѣднюю комнату, оставилъ тамъ поддевку и вернулся въ одной синей рубахѣ, подпоясанной краснымъ шнуромъ съ кистями. Помѣстившись на маленькомъ диванѣ, рядомъ съ Ксеніей Владиміровной, онъ вдругъ сдѣлалъ попытку погладить ея плечи.

Она быстро уклонилась и поспѣшила подальше отодвинуться отъ него.

— Ишь ты, какая... колючая,—сказалъ „отецъ Григорій“ недовольнымъ тономъ.

Ксенія Владиміровна начала спѣшно приводить въ порядокъ свои волосы.

— Право колючая... Я впервой такую вижу... тысячи зналъ разныхъ барынь, а такой еще не видалъ.

— Неужели не видали?—задорно переспросила Ксенія Владиміровна, заканчивая свою куафюру.

— Вотъ передъ Истиннымъ — не видалъ такой... А ты напрасно серчаешь: я завсегда одинаковъ,—

какъ безъ дяди, такъ и при дядѣ,—почему-то подчеркнулъ онъ.

Съ этого момента Григорій Ефимовичъ замѣтно сталъ оживленнѣе.

— Будемте чай пить!—предложилъ онъ, обращаясь къ намъ, и, видя, что мы не отказывались, вышелъ изъ столовой, чтобы сдѣлать распоряженіе.

Вскорѣ появился самоваръ и чайные приборы. Подавала какая-то пожилая женщина съ блѣднымъ, выцвѣтшимъ лицомъ.

Мы заняли мѣста въ концѣ стола, около самовара. Распутинъ придвинулъ бѣлый картонъ съ тортомъ и вазы съ вареньемъ.

Варенье оказалось превосходнымъ, изъ южныхъ фруктовъ; тутъ были ренклоды, персики, абрикосы.

— Дары поклонницъ,—подумалось мнѣ.

„Старецъ" отрѣзалъ нѣсколько кусковъ торта и предложилъ намъ „попробовать".

Тортъ „прозорливца" оказался, прямо сказать, восхитительнымъ: онъ такъ и таялъ во рту. Заинтересовавшись этимъ, я захотѣлъ узнать, изъ какой кондитерской вышелъ этотъ необыкновенный шедевръ. Но на картонѣ, въ который былъ заключенъ тортъ, не оказалось никакихъ слѣдовъ, которые указывали бы на фирму. Очевидно, это тоже былъ подарокъ какой-нибудь высокой почитательницы Распутина,— быть можетъ, той же самой, которая прислала розы.

— Кушайте!—сказалъ намъ „старецъ", а самъ придвинулъ къ себѣ большой пакетъ изъ желтой бумаги

и вынулъ оттуда нѣсколько баранокъ, какія продаются на всѣхъ базарахъ, во всѣхъ мелочныхъ и овощныхъ лавкахъ.

Сначала этотъ жестъ мнѣ понравился; понравилось, что „пророкъ" до сихъ поръ сохранилъ крестьянскіе вкусы и предпочитаетъ деревенскія баранки столичному кондитерскому торту. Но вскорѣ мнѣ пришлось убѣдиться, что все это дѣлалось не спроста, а съ явно демонстративной цѣлью, съ желаніемъ подчеркнуть вѣрность демократическимъ вкусамъ и привычкамъ.

Потомъ я узналъ, что эта манера возведена Распутинымъ въ систему и что въ высокихъ кругахъ это обстоятельство немало способствовало его популярности. Вотъ, дескать, человѣкъ, который, несмотря на всѣ соблазны, тѣмъ не менѣе все-таки остается настоящимъ крестьяниномъ, мужикомъ, настоящимъ представителемъ народа.

Я долженъ, однако, прибавить, что „прозорливецъ", сколько мнѣ извѣстно, никогда не отказывается вкусно и сытно поѣсть и попить, но только при условіи, чтобы это было не на виду у тѣхъ особъ, которыя ему покровительствуютъ.

Зазвенѣлъ телефонъ. Распутинъ подошелъ къ аппарату, взялъ трубку и началъ слушать.

Меня немало удивила поза, которую при этомъ онъ принялъ. Одну ногу онъ поставилъ на стулъ, стоящій у аппарата, лѣвой рукой держалъ трубку, а правой подбоченился. Мнѣ казалось, что онъ пытался

подражать кому-нибудь изъ своихъ аристократическихъ знакомыхъ и явно желалъ быть галантнымъ. Разумѣется, у него это выходило до послѣдней степени смѣшно и каррикатурно.

— Откуда звонятъ?—спрашиваетъ „старецъ".—Изъ NN?..[1]) А, это ты, Оленушка. Здравствуй, здравствуй... Ну?.. Что прислать къ завтрему? Да ничего не надобно. Все есть... Да, и осетрина есть... А? Что? Цвѣтовъ?.. Нѣтъ, нѣтъ, не нужно! И безъ того ихъ полная комната... некуда ставить... Вотъ развѣ яичекъ.

„Пророкъ" взглянулъ на столъ, гдѣ, среди цвѣтовъ, стояла глубокая тарелка съ яйцами.

— Яичекъ пришли,—продолжалъ онъ,—а то ихъ совсѣмъ мало остается. Они уже на исходѣ... Винца? То бишь кагору, пожалуй, пришли... Хорошо, ладно... спасибо... Ну прощай, Оленушка, до завтра, стало быть.

Григорій Ефимовичъ вернулся къ намъ и началъ пить чай съ блюдечка, заѣдая баранками съ анисомъ.

— А что у васъ завтра?—спросила Ксенія Владиміровна.

— Гости будутъ,—отвѣчалъ Распутинъ со значительнымъ видомъ. И затѣмъ, подумавъ, сказалъ:

— Коли хочешь, пріѣзжай. Такъ часовъ въ 12, послѣ обѣдни. Я буду въ Казанскомъ.

— А кто у васъ будетъ?

„Прозорливецъ" посмотрѣлъ на собесѣдницу, но

---

[1]) Изъ Царскаго?

ничего не отвѣтилъ: видимо, онъ не желалъ называть своихъ гостей.

Ксенія Владиміровна повторила вопросъ.

— Мм... — замялся „старецъ", — коли пріѣдешь,— сама увидишь.

Помолчавъ немного, онъ сказалъ:

— Будетъ одна въ лентахъ.

— Какъ въ лентахъ?

— Да такъ, почитай что вся въ лентахъ, сверху до низу. И вся мелкими образками увѣшана... Генеральша одна.

— Можетъ быть, пріѣду,—сказала Ксенія Владиміровна,—если ничто не задержитъ.

— Пріѣзжай,—повторилъ еще разъ Распутинъ.

„А меня не приглашаетъ", подумалъ я.

Было уже около половины двѣнадцатаго.

Мы начали прощаться, „пророкъ" насъ не удерживалъ.

Прощаясь со мной, онъ вдругъ облобызалъ меня. Эта непріятность, какъ я потомъ узналъ, ожидаетъ почти каждаго, кто только посѣтитъ „прозорливца".

Въ передней, когда мы одѣвались, „старецъ", пронизывая Ксенію Владиміровну своими зелеными глазами, еще разъ со значительнымъ видомъ напомнилъ ей, что завтра будетъ „прощеное воскресенье", что поэтому она должна непремѣнно пріѣхать къ нему.

— Хорошо, пріѣду,—сказала она покорно.

Мы сѣли въ пролетку,—февраль 1914 года былъ

безснѣжный,—и извозчикъ погналъ лошадь по гололедицѣ. Вечеръ стоялъ мягкій, влажный, теплый.

Ксенія Владиміровна казалась крайне возбужденной; она то смѣялась, то болтала, волнуясь и спѣша.

— Нѣтъ, вы только подумайте, А. С., это чудовище... этотъ Распутинъ увѣряетъ меня, что онъ „такихъ“ еще не встрѣчалъ, что я—единственная изъ тысячи женщинъ, которыхъ онъ зналъ... „Тысячи женщинъ!“... Какъ вамъ это нравится въ устахъ праведника? Не правда ли, это звучитъ гордо?.. Мой братъ знаетъ изъ вѣрныхъ источниковъ, что на Распутина чуть не молятся самыя высокопоставленныя дамы, что его считаютъ святымъ, пророкомъ, прозорливцемъ... Неужели же все это взаправду, pour tout le bon,—какъ говорятъ французы?.. „Ишь, какая ты колючая!—вдругъ вспомнила она обращенныя къ ней слова „пророка“. И снова начала смѣяться.

Мнѣ припомнилась сцена съ волосами, и я съ нѣкоторой тревогой посмотрѣлъ на свою спутницу. Мнѣ казалось, что она затѣвала игру, которая, въ концѣ-концовъ, могла получить неожиданную для нея самой развязку.

Мое сдержанное молчаніе было, вѣроятно, замѣчено молодой дамой, такъ какъ вдругъ она перестала смѣяться и сдѣлалась серьезной. Помолчавъ нѣсколько минутъ, она обратилась ко мнѣ съ вопросомъ:

— Меня очень интересуетъ то впечатлѣніе, какое произвелъ на насъ Распутинъ. Что вы думаете теперь объ этомъ человѣкѣ?

— Первое впечатлѣніе было чисто-криминальное,— сказалъ я.—Право, когда я впервые увидалъ его, увидѣлъ, какъ потемнѣло его лицо, какъ онъ весь насупился, стоялъ и молчалъ, мрачный, нахохленный, кидая злые взгляды вокругъ,—мнѣ показалось, что предо мной прямо преступный типъ. Конечно, двухчасового наблюденія недостаточно для того, чтобы составить окончательное мнѣніе о человѣкѣ. Можно, разумѣется, ошибиться. Однако, мнѣ сдается, что въ природѣ этого человѣка есть дѣйствительно не мало темнаго, преступнаго, такого, что нужно скрывать. Отсюда, вѣроятно, его необыкновенная сдержанность, скрытность, его постоянныя недомолвки. Думаю, что преобладающей чертой его натуры является грубая чувственность, животное, звѣриное сладострастіе. Ни малѣйшихъ слѣдовъ непосредственности, которой обыкновенно отличаются люди, вышедшіе изъ народа, въ немъ я не подмѣтилъ. Онъ, видимо, привыкъ вращаться въ разныхъ слояхъ общества, привыкъ имѣть дѣло съ самыми различными людьми. Искренности нѣтъ и слѣда. Онъ явно играетъ роль, которую продумалъ, къ которой привыкъ. Онъ крестьянинъ, вчерашній землеробъ, выходецъ изъ нѣдръ народа. Благодаря исключительному, совершенно фантастическому стеченію обстоятельствъ, онъ достигаетъ необыкновеннаго вліянія, можно прямо сказать—могущества... Сколько сановниковъ, сколько епископовъ обязаны ему своей карьерой, своимъ возвышеніемъ! Послѣ этого не удивительно, что Ку-

лаковъ [1]) раболѣпно исполняетъ всѣ его желанія. Не удивительно, что С.[2]) кланяется ему „земно". Самъ графъ В.[3]) заискиваетъ въ „отцѣ Григоріи" и ѣздитъ къ нему на поклонъ вмѣстѣ со своей супругой. Но, получивъ такое колоссальное вліяніе, что сдѣлалъ „прозорливецъ" для крестьянства, для народа? Ровнымъ счетомъ ничего! Но зато его собственное благосостояніе, какъ увѣряютъ, развилось и упрочилось, какъ нельзя лучше.

— Вы находите его умнымъ или нѣтъ?—спросила Ксенія Владиміровна.

— Согласитесь, что сегодня онъ ничѣмъ не обнаружилъ своего ума. Но что онъ очень *хитрый* человѣкъ, себѣ на умѣ, то это не подлежитъ никакому сомнѣнію.

На другой день, въ „прощеное воскресенье", Ксенія Владиміровна позвонила ко мнѣ въ четвертомъ часу. Слышу ея взволнованный голосъ:

— Я только что вернулась отъ Распутина. У него сегодня былъ настоящій раутъ. Вы не можете себѣ представить, кого я тамъ встрѣтила... Вы не можете себѣ представить, что тамъ происходило. Это нѣчто невозможное! Это настоящій бедламъ. Я прямо подавлена... Завтра пріѣду къ вамъ и разскажу все подробно.

---

1) Н. А. Маклаковъ.

2) В. К. Саблеръ.

3) Графъ С. Ю. Витте.

V.

„РАУТЪ".

Пріѣхавъ ко мнѣ на другой день, Ксенія Владиміровна повѣдала мнѣ слѣдующій разсказъ.

Ровно въ 12 часовъ дня я подъѣхала къ дому, въ которомъ живетъ Григорій Распутинъ. Это домъ одного генерала, бывшаго губернатора, извѣстнаго своимъ черносотенствомъ.

У подъѣзда стояла карета и два очень элегантныхъ автомобиля съ гербами. Высокіе, выхоленные лакеи стояли тутъ же на тротуарѣ около подъѣзда; на одномъ была ливрея сургучнаго цвѣта, у другого—цилиндръ съ позументами и скунсовая шаль на плечахъ.

Въ передней „пророка" пахло ухой и осетриной. Прислуга, раздѣвая меня, сообщила:

— Отецъ Григорій сейчасъ будутъ: они въ Казанскомъ соборѣ. Къ обѣднѣ уѣхавши... Пожалуйте въ гостиную.

Меня провели въ тотъ залъ, въ которомъ „старецъ" принималъ своихъ посѣтителей во время моего перваго визита къ нему.

Здѣсь уже было цѣлое общество, состоявшее почти исключительно изъ дамъ. Изъ мужчинъ былъ только одинъ, молодой человѣкъ, лѣтъ 30, родственникъ графини Головкиной. Онъ пріѣхалъ сюда, сопровождая свою молоденькую жену, беременную первымъ ребенкомъ. Страстная почитательница „прозорливца“, она непремѣнно хотѣла посѣтить его въ прощеное воскресенье.

Мужъ, хотя и противъ воли, принужденъ былъ, скрѣпя сердце, согласиться на это. Несмотря на всю его корректность и сдержанность, можно было подмѣтить, что многое изъ того, что здѣсь происходило, сильно коробило его.

Графиня Головкина была вмѣстѣ со своей дочерью, симпатичной и милой, но видимо очень болѣзненной дѣвушкой, въ глазахъ которой застыла глубокая грусть. Я ранѣе уже видѣлась съ нею какъ-то у „старца“, поэтому мы встрѣтились какъ знакомые.

Я была очень рада этой встрѣчѣ, тѣмъ болѣе, что все остальное общество было мнѣ совершенно не знакомо. Молодую графиню въ семьѣ почему-то всѣ называли Тюней, хотя ея настоящее имя было Татьяна Сергѣевна. Многіе изъ ея знакомыхъ за-глаза тоже обыкновенно называли ее Тюней; поэтому и я усвоила эту привычку.

— Вы давно знаете Григорія Ефимовича?—спросила я графиню Тюню.

— О, да, съ отцомъ Григоріемъ мы знакомы уже нѣсколько лѣтъ,—отвѣчала она.

— Мнѣ бы очень хотѣлось поговорить съ вами о немъ. Но для этого намъ, можетъ быть, будетъ лучше перейти въ сосѣднюю комнату?

— Идемте,—сказала Тюня, вставая.

Мы перешли въ сосѣднюю, небольшую, довольно скудно меблированную комнату и сѣли на диванъ.

— Мнѣ кажется, вы относитесь къ Григорію Ефимовичу съ большимъ уваженіемъ,—сказала я.

Тюня сейчасъ же начала волноваться.

— Вы правы... Я съ перваго же раза увѣровала въ отца Григорія,—проговорила она съ глубокимъ убѣжденіемъ.—И теперь у меня нѣтъ никакихъ сомнѣній.

— Къ сожалѣнію, я не могу этого сказать о себѣ,—сказала я,—напротивъ, у меня слишкомъ много разныхъ сомнѣній. Къ тому же многаго изъ словъ Григорія Ефимовича я совсѣмъ не понимаю.

— Слова отца Григорія надо понимать духовно-аллегорически. Его слова всегда имѣютъ особенный смыслъ. Чтобы понять ихъ сокровенное значеніе, нужно глубоко вникать, нужно углубляться, сосредоточиваться.

— Затѣмъ, признаюсь, меня не мало смущаетъ его манера обращенія съ дамами,—рѣшилась намекнуть я.

Тюня сдѣлала вопросительное лицо.

— Вы не догадываетесь о чемъ я говорю?.. Меня крайне удивляетъ, напримѣръ, его страсть къ поцѣлуямъ.

— Ахъ, Боже мой,—съ укоромъ воскликнула Тюня.—Неужели вы не сознаете, что его поцѣлуи не имѣютъ ничего общаго съ поцѣлуями другихъ мужчинъ?

Позиція, занятая Тюней, начинала меня раздражать. Я рѣшила быть откровеннѣе.

— Мнѣ не нравятся также его постоянныя прикосновенія, пожатія, поглаживанія,—проговорила я, смотря прямо въ глаза Тюни.

— Отецъ Григорій настолько чистъ сердцемъ, что онъ на все смотритъ съ высоты своей чистоты,—сказала она убѣжденно.—Да, да, отецъ такъ далекъ отъ всего мірского, земного... такъ далекъ отъ всякой мысли объ удовольствіи или наслажденіи... Ему ваше тѣло не нужно, такъ какъ онъ не придаетъ тѣлу никакого значенія... А главное, онъ считаетъ, что если женщинѣ становится неловко отъ его ласкъ, то значитъ она не свободна отъ грѣховныхъ помысловъ, отъ тайныхъ желаній.

„Вотъ оно что,—подумала я,—какова теорія"!

— Насъ онъ теперь почти совсѣмъ не трогаетъ,—сказала Тюня съ самымъ невиннымъ видомъ.

Мнѣ вдругъ захотѣлось сказать ей что-нибудь рѣзкое.

— А, скажите пожалуйста, васъ не смущаетъ то, что пишутъ въ газетахъ о Григоріи Ефимовичѣ?—спросила я.

Тюня горько улыбнулась, и въ ту же минуту судорги задергали ея нервное, блѣдное лицо.

— Ахъ, въ людяхъ, къ сожалѣнію, такъ много гадкаго,—сказала она, сильно волнуясь,—поэтому они во всемъ готовы видѣть что-то грязное.

— Получили ли вы покой съ тѣхъ поръ, какъ познакомились съ Григоріемъ Ефимовичемъ? Вообще, что вамъ дало знакомство съ Распутинымъ?—спросила я.

— Благодаря отцу Григорію я получила полную ясность души,—сказала Тюня съ какимъ-то блаженнымъ видомъ.

Глубокое, искренное чувство, которымъ были согрѣты эти слова, сильно тронуло меня, мнѣ стало отъ души жаль милую дѣвушку, и я постаралась перевести разговоръ на нейтральную почву.

— Я въ первый разъ встрѣчаю у Григорія Ефимовича такое большое общество. Къ сожалѣнію, кромѣ васъ, я никого не знаю изъ собравшихся здѣсь... Мнѣ хотѣлось бы знать, кто эта высокая, представительная дама съ южнымъ типомъ лица?—спросила я.

— Какъ, вы не узнали? Это свѣтлѣйшая княгиня Х,—отвѣчала Тюня.—Она съ большимъ уваженіемъ относится къ отцу Григорію.

— А эта полная, высокая блондинка?

— Это Елена Алексѣевна Торопова, бывшая фрейлина. Давнишній, вѣрный другъ отца Григорія и горячая его почитательница.

Въ эту минуту дверь въ комнату, въ которой мы сидѣли, отворилась и вошла мать Тюни, графиня Головкина.

— Отецъ Григорій пріѣхалъ,—сказала она,—идемте въ столовую: онъ ждетъ.

Тюня поспѣшно встала, представила меня своей матери и мы направились въ столовую „прозорливца“.

При видѣ меня, Распутинъ выразилъ свое удовольствіе.

— Ну, вотъ, хорошо, што ты пришла сегодня,—сказалъ онъ съ довольнымъ видомъ,—садись сюда, поближе ко мнѣ.

И онъ усадилъ меня рядомъ съ собой.

Роскошныя корзины живыхъ цвѣтовъ, ландышей и розъ, которыми я любовалась наканунѣ, были разставлены вдоль стола, за которымъ мы всѣ размѣстились.

Дамы, какъ только онѣ сѣли за столъ, очевидно по принятому здѣсь обычаю, протянули руки къ „пророку“, говоря:

— Я-ич-ко!

Это произносилось какимъ-то просительнымъ, почти умоляющимъ тономъ.

— Какъ, неужели и княгиня X *) ?—изумился я.

— Она тоже протянула руку, но сдѣлала это молча,—сказала Ксенія Владиміровна.

Григорій Ефимовичъ придвинулъ къ себѣ тарелку съ яйцами и началъ надѣлять всѣхъ по одному яйцу.

---

*) Подъ именемъ „свѣтлѣйшей княгини X“ выводится великая княгиня Милица Николаевна.

Тотчасъ же всѣ начали ѣсть яйца, точно свершая какое-то таинство.

— А ты хочешь яичко?—спросилъ Распутинъ, обращаясь ко мнѣ.

— Нѣтъ, не хочу,—сказала я.

Я отвѣтила такъ потому, что дѣйствительно не люблю яицъ въ крутую и никогда ихъ не ѣмъ. Но я никакъ не ожидала, что мой отказъ отъ яйца произведетъ настоящую сенсацію.

Всѣ дамы съ изумленіемъ оглядѣли меня. Особенно меня поразилъ взглядъ графини Тюни—полный нѣмого укора и глубокой скорби.

Даже княгиня Х чуть замѣтно повернулась въ креслѣ и осмотрѣла меня въ лорнетъ.

А я въ свою очередь наблюдала за ними. Меня, между прочимъ, поразила одна подробность, которая невольно бросилась мнѣ въ глаза. Послѣ того, какъ яйца были съѣдены, ни на тарелкахъ, ни на столѣ совсѣмъ не оказалось скорлупы. Никакихъ слѣдовъ!.. Куда же дѣвалась скорлупа? Вѣдь не могли же эти дамы скушать яйца вмѣстѣ со скорлупой? Ясное дѣло. И я рѣшила, что онѣ спрятали скорлупу, какъ своего рода реликвію, въ свои изящныя сумочки. Иначе я никакъ не могла объяснить себѣ безслѣднаго исчезновенія яичной скорлупы.

Подали уху, которая оказалась очень вкусной. Затѣмъ слѣдовала разварная осетрина, съ бѣлымъ соусомъ, тонко, по-поварски, приготовленномъ. Изъ

винъ былъ одинъ кагоръ—церковное вино, которое пили бокалами.

Изъ всѣхъ дамъ, бывшихъ у „старца“, меня особенно интересовала Елена Алексѣевна Торопова. Я такъ много и съ разныхъ сторонъ наслушалась всевозможныхъ разсказовъ о ней, о ея необыкновенномъ увлеченіи „пророкомъ“, а также о той роли, которую она играла и играетъ въ высокихъ сферахъ.

Увѣряли, что именно она больше всего способствовала популярности Распутина въ придворныхъ кругахъ, что именно она больше всего содѣйствовала его возвышенію, его близости къ высокопоставленнымъ особамъ къ царицѣ и царю.

Что касается ея искренности, то тутъ мнѣнія рѣзко расходились: сравнительно немногіе готовы были признать ее вполнѣ искренней, но значительное большинство лицъ, болѣе или менѣе близко знающихъ ее, отзывались о ней, какъ объ особѣ, преслѣдующей свои чисто личныя цѣли и дѣйствующей по расчету. Говорилось также о томъ вліяніи, какое оказываетъ на нее ея родной отецъ, очень крупный и важный сановникъ, извѣстный въ тѣхъ кругахъ подъ именемъ „лукаваго царедворца“.

Поэтому, встрѣтивъ г-жу Торопову у „старца“, я отнеслась къ ней съ большимъ интересомъ и вниманіемъ. Прежде всего мнѣ бросилось въ глаза, что ея наружность не мало не соотвѣтствовала тому представленію о ея внѣшности, которое сложилось

у меня подъ впечатлѣніемъ разсказовъ и слуховъ о ней, доходившихъ до меня. Никакихъ слѣдовъ, никакихъ признаковъ духовныхъ, мистическихъ устремленій и переживаній въ ней не было замѣтно.

Наоборотъ, вся ея внѣшность слишкомъ громко и властно говорила о земномъ, реальномъ, чисто плотскомъ, тѣлесномъ.

Правда, она очень красива, но слишкомъ въ русскомъ стилѣ: высокая, полная, породистая, съ развитыми формами, съ большими голубыми глазами, съ пышной шевелюрой пепельнаго цвѣта.

Среди представителей и представительницъ современной вырождающейся аристократіи она выглядѣла настоящей московской боярыней XVII столѣтія.

Мнѣ бросилось въ глаза, что она была безъ корсета. Это очень портило ея крупную, импозантную фигуру. Въ первый разъ мнѣ пришлось видѣть въ обществѣ придворную даму безъ корсета. Потомъ, позднѣе, когда я выразила свое удивленіе по этому поводу, знакомые Елены Алексѣевны объяснили мнѣ причину этой странности.

Оказывается „отецъ Григорій“ „не любитъ корсетовъ“. Поэтому дамы, особенно дорожащія его расположеніемъ, отправляясь къ нему, обыкновенно эмансипируются отъ этой принадлежности дамскаго туалета.

А что Елена Алексѣевна Торопова какъ нельзя болѣе дорожитъ расположеніемъ „старца“—въ этомъ, конечно, не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Вотъ я вижу, какъ она беретъ кусокъ чернаго хлѣба, кладетъ на него два огурца и, держа это въ рукахъ, подходитъ къ Распутину. Почтительно приблизившись къ нему, она заглядываетъ ему въ лицо и произноситъ томнымъ и въ то же время просительнымъ голосомъ:

— Отецъ!..

„Старецъ“ беретъ одинъ огурецъ прямо рукой и, откусивъ половину, начинаетъ жевать. Другую половину онъ кладетъ на кусокъ хлѣба, который держитъ въ своихъ рукахъ Елена Алексѣевна.

Ту же минуту она беретъ остатокъ огурца и положивъ его въ ротъ, начинаетъ ѣсть съ какимъ-то особеннымъ, благоговѣйнымъ апетитомъ.

Лицо ея свѣтится радостью. Можно подумать, что въ эту минуту она чувствуетъ себя счастливѣйшей женщиной въ мірѣ...

VI.

БЕДЛАМЪ.

Завтракъ подходилъ къ концу, какъ вдругъ дверь, ведущая въ столовую изъ передней, широко распахнулась и на порогѣ показалась странная женская фигура во всемъ бѣломъ, съ длинной палкой въ рукахъ.

Лица вошедшей я не могла разсмотрѣть, такъ какъ одѣтый на голову косматый рыжій парикъ закрывалъ большую часть лица; къ тому же надъ самыми глазами къ парику былъ прикрѣпленъ особый широкій вѣнчикъ, на которомъ крупными буквами было написано: „Аллилуія".

Мнѣ сдѣлалось жутко, такъ какъ я подумала, что вошла психически больная, сумасшедшая женщина. Но, замѣтивъ, что бѣлый, фантастическій костюмъ, въ который была одѣта вошедшая, обильно украшенъ разноцвѣтными лентами, я вспомнила слова „старца", сказанныя мнѣ наканунѣ о томъ, что у него будетъ одна „генеральша вся въ лентахъ".

Подвигаясь какой-то странной, точно разбитой по-

ходкой, присѣдая и подпрыгивая, бѣлая женщина громко выкрикивала:

— Христосъ воскресе! Христосъ воскресе!

Затѣмъ, сильно стуча палкой о полъ, она истерическимъ голосомъ, голосомъ кликушки начала выкрикивать что-то совершенно невнятное и несуразное.

Приблизившись къ „старцу“, дама въ лентахъ вдругъ упала передъ нимъ на колѣни и пронзительно крикнувъ:—„Отецъ!.. Богъ—Саваоѳъ!..“ грохнулась на полъ и распростерлась ницъ.

Потрясенная этой сценой, я спросила сидѣвшую рядомъ со мной Тюню:

— Кто эта дама?

— Софья Аркадьевна Похитонова,—кратко отвѣтила она.

— Больная, ненормальная?

Тюня пожала плечами и сдержанно проговорила:— Вы напрасно такъ думаете.

— Но... зачѣмъ же на ней этотъ безобразный парикъ?

— Какой парикъ?—удивилась Тюня.—Вы ошибаетесь. Это совсѣмъ не парикъ, это сибирская шапка изъ волчьей шерсти—подарокъ отца Григорія. Онъ привезъ ее изъ Сибири. Софья Аркадьевна очень дорожитъ этимъ подаркомъ.

— А зачѣмъ эти ленты, этотъ странный костюмъ?— не отставала я, хотя и сознавала, что мои настойчи-

вые разспросы шли вразрѣзъ съ самыми элементарными правилами „хорошаго тона“.

— Она взяла на себя личину юродства,—объясняла Тюня.—Она желаетъ унизить себя, она хочетъ, чтобы надъ нею смѣялись... Это, конечно, очень тяжелый подвигъ, особенно для свѣтской женщины, но Софья Аркадьевна добровольно приняла его на себя и несетъ его безропотно.

Какой странный подвигъ!.. Возвращеніе къ XVI столѣтію,—подумала я, не рѣшаясь, однако, высказать этого вслухъ, чтобы не обидѣть свою собесѣдницу.

Дамы поспѣшили на помощь къ юродивой, подняли ее, но она тотчасъ же вырвалась отъ нихъ и бросилась къ „пророку“, съ неистовымъ крикомъ:

— Отецъ!.. Отецъ Григорій!.. Богъ—Саваоѳъ!..

Она кидалась къ нему на шею, старалась обнять его, но онъ отбивался отъ нея, крича:

— Отстань, отстань отъ меня Христа ради... Тварь поганая!..

Мнѣ показалось, однако, что онъ отбивался менѣе энергично, чѣмъ можно было ожидать отъ него при этихъ условіяхъ.

А она продолжала цѣпляться за него, продолжала хватать его руки, покрывая ихъ поцѣлуями.

— Отойди отъ меня, дьяволъ!—оралъ „прозорливецъ“ во все горло,—а не то вотъ, какъ передъ Истиннымъ, расшибу тебѣ башку!

Наконецъ, дамамъ удалось снова завладѣть Софьей Аркадьевной и они повели ее подъ руки на стоявшій въ переднемъ углу большой, широкій диванъ, устроенный въ видѣ ската.

Софья Аркадьевна, точно обезсиленная отъ только-что пережитой сцены, распласталась на диванѣ.

Но это былъ одинъ моментъ. Тотчасъ же она снова поднялась и, простирая руки по направленію къ „старцу", громкимъ, проникновеннымъ голосомъ начала выкрикивать:

— Падите ницъ передъ нимъ!.. Цѣлуйте его слѣдъ!..

Въ эту минуту зазвенѣлъ телефонъ.

— Тюнька,—сказалъ Распутинъ, обращаясь къ молодой графинѣ Головкиной,—узнай, хто такой звонитъ.

Тюня поспѣшно встала и направилась къ телефону. Видно было, что она съ радостью готова исполнить порученіе „отца Григорія".

Но я замѣтила, что графиню Головкину такое обращеніе „пророка" съ ея дочерью замѣтно покоробило. Однако, она, видимо, не рѣшилась высказать ему своего неудовольствія по этому поводу. Она ограничилась только тѣмъ, что сдвинула брови и сдѣлала каменное лицо. Но „старецъ", очевидно, не придалъ никакого значенія мимикѣ графини.

„Однако,—подумалось мнѣ,—какъ мало церемонится „прозорливецъ" со своими почитательницами, даже съ тѣми изъ нихъ, на средства которыхъ онъ живетъ".

Черезъ минуту Тюня докладывала Распутину:— Любовь Павловна Мосолова спрашиваетъ васъ: когда она можетъ пріѣхать къ вамъ? Ей необходимо посовѣтоваться съ вами.

— А хто это такая Любовь... какъ, бишь, она сказала?—спросилъ „пророкъ", обращаясь къ дамамъ.

— Это жена Николая Дмитріевича Мосолова,—о немъ вы, конечно, слыхали.

— Штой-то не припомню.

— Товарищъ предсѣдателя въ...

Дамы назвали одно изъ государственныхъ учрежденій въ Петроградѣ.

— Такъ, такъ. Слыхалъ... Ну, скажи, пущай приходитъ,—обратился „старецъ" къ Тюнѣ.

— Она проситъ узнать, когда же, проситъ назначить день и часъ,—замѣтила Тюня.

— Ну, примѣрно, хоть завтра, такъ послѣ вечерни.

Тюня снова пошла къ телефону.

— А ты придешь ко мнѣ завтра?—спросилъ „пророкъ", обращаясь ко мнѣ.

Я сказала, что завтра у меня цѣлый день занятъ и что поэтому я никакъ не могу быть у него.

— Ну, все же я позвоню къ тебѣ,—сказалъ онъ.

— Позвоните,—согласилась я,—хотя вы врядъ ли застанете меня дома.

Мои слова услыхала Софья Аркадьевна. Она все еще лежала на диванѣ въ распластанномъ видѣ,— услыхала и страшно вознегодовала.

— Господи!—завопила она,—до чего мы дожили?.. Онъ *самъ*, Богъ-Саваоѳъ, будетъ звонить по телефону какой-то дѣвчонкѣ... Вотъ они ваши черницы, прелестницы...

— Замолчишь ли ты, погань!—кричитъ на нее Распутинъ.

Но юродивая генеральша долго не могла успокоиться. Замолчала было на минуту, но затѣмъ снова начала выкрикивать.

— А я послѣднія свои денежки сейчасъ отдала... За авто-моторъ уплатила... Хотѣлось отца повидать. Осталась безъ копѣйки... Слышите вы?..

Слова „генеральши", видимо, сильно нервировали „отца Григорія": лицо его приняло злое выраженіе, онъ насупился и сердито крутилъ головой.

— Такъ я и зналъ,—бормоталъ онъ.—Ишь ты, тварь проклятая. Право, погань ты этакая...

Меня до крайности поражала и возмущала эта грубая, дикая брань,—но, кажется, только одну меня. Всѣ остальныя дамы, кровныя, титулованныя аристократки, представительницы высшаго придворнаго бомонда, ничѣмъ не выражали ни своего возмущенія, ни своего протеста. Даже великая княгиня Милица Николаевна дѣлала видъ, что она не замѣчаетъ ничего страннаго въ поведеніи „старца".

„Примирились? Привыкли — недоумѣвала я,—или же авторитетъ „отца Григорія" такъ подавилъ ихъ, что онѣ уже не въ состояніи относиться критически къ нему и къ его поступкамъ?"

— Развѣ можно такъ браниться?—упрекнула я „старца“.

— Да какъ же мнѣ ее не бранить?—воскликнулъ онъ.—Слышь, слышь, что она говоритъ...

— Я говорю, что ты—Богъ-Саваоѳъ... Да, да, Богъ-Саваоѳъ... А отецъ Филаретъ—живой Христосъ. Христосъ!—по-кликушечьи выкрикивала Софья Аркадьевна.

— Вишь, вишь, что она говоритъ... Она все исшо заодно съ Филаретомъ, съ отступникомъ окаяннымъ... Не хочетъ отстать отъ него, отъ еретика проклятаго... Ахъ ты, сатана ленточная!...

Монахъ Филаретъ*), который возбуждалъ такую злобу „прозорливца“, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ близкимъ его другомъ и единомышленникомъ. Въ бурные годы 1904—1906 они вмѣстѣ рука объ руку боролись съ революціей, вмѣстѣ громили „безбожную интеллигенцію“, „жидовъ“ и всѣхъ другихъ „инородцевъ“, считая ихъ единственными виновниками движенія, поднявшагося въ общественныхъ кругахъ и народныхъ массахъ.

Но затѣмъ между Распутинымъ и монахомъ Филаретомъ пробѣжала черная кошка, произошелъ рѣзкій разрывъ, и недавніе друзья обратились въ ярыхъ, заклятыхъ враговъ. Закипѣла вражда, завязалась ожесточенная борьба. Филаретъ выступилъ съ обличе-

*) Сергѣй Михайловичъ Труфановъ, въ монашествѣ Иліодоръ.

ніями противъ Распутина, обвиняя его въ темныхъ порокахъ, въ грязныхъ похожденіяхъ.

Эти обличенія, подкрѣпленныя документальными данными, пошатнули было положеніе „отца Григорія“ въ высокихъ сферахъ. Пошатнули, но не надолго; вскорѣ онъ снова оправился, и положеніе его сдѣлалось еще болѣе прочнымъ, чѣмъ было прежде. Несмотря на это, „прозорливецъ“ продолжалъ пылать ненавистью къ Филарету и всякое упоминаніе о „мятежномъ монахѣ“ приводило его въ бѣшенство.

Такъ было и на этотъ разъ. Достаточно было юродивой выкрикнуть нѣсколько фразъ о Филаретѣ, фразъ, въ которыхъ проглядывало ея сочувствіе къ „проклятому отступнику“, какъ вдругъ „старецъ“ въ сильномъ волненіи вскочилъ со своего мѣста.

— Нѣтъ, я не могу... Нѣтъ моихъ силъ боле!— неистово заоралъ онъ, дико озираясь вокругъ.— Нѣтъ больше моего терпѣнія!.. Держите меня, а не то я ее убью!..

И онъ, зажавъ кулаки, ринулся по направленію къ дивану, на которомъ лежала юродивая генеральша.

Дамы стремительно бросились къ нему, схватили его подъ руки и начали успокаивать.

— Отецъ Григорій... Батюшка дорогой... успокойтесь ради Бога,—говорили онѣ.

„Пророкъ“, дѣлая попытки освободиться, дико рычалъ:—У-у-у, сатана... дьяволъ ленточный...

Этотъ бедламъ мнѣ сталъ невыносимъ и я рѣшила уѣхать.

Одновременно со мной изъ столовой исчезъ родственникъ графини Головкиной; я видѣла, какъ онъ, очевидно возмущенный всѣмъ происходившимъ, воспользовавшись общимъ замѣшательствомъ и суматохой, вызванными угрозой Распутина убить юродивую, быстро взялъ подъ руку свою жену и рѣшительно направился въ переднюю.

Прислуги въ передней не оказалось и намъ пришлось самимъ разыскивать свои шубы, шляпы, калоши. Это заняло довольно много времени.

Вдругъ изъ спальни „пророка“, находившейся черезъ одну комнату отъ столовой, раздались на всю квартиру громкіе, протестующіе крики прислуги.

— Что случилось? Что такое?—съ недоумѣніемъ и тревогой спрашивали дамы, бывшія въ столовой.

Въ эту минуту влетѣла Дуня.

— Что за бѣда. Всѣ рубашки растаскали. Скоро „отцу“ не въ чемъ будетъ ходить!—возбужденно кричала она.

— Что такое? Въ чемъ дѣло?

— Да Софья Аркадьевна опять двѣ рубашки „отца“ забрала. Изъ комода вытащила... На ней и безъ того ужъ четыре рубашки „отца“ надѣто, а ей все мало...

Оказалось, что „генеральша“ подъ шумокъ, скрывшись изъ столовой, направилась въ спальню „прозорливца“, надѣясь запастись тамъ новыми реликвіями изъ бѣлья и платья „отца Григорія“. Но на

этотъ разъ замыслы ея были разрушены благодаря вмѣшательству прислуги.

Очевидно, ни грубая брань, ни проклятія, ни угрозы „пророка“ убить ее,—ничто не поколебало ея преданности „отцу Григорію“: попрежнему онъ остался ея кумиромъ, ея живымъ Богомъ.

Когда мы, наконецъ, одѣлись и направились къ выходу, въ переднюю вошелъ Распутинъ,—угрюмый, измятый, всклокоченный.

Молодая дама, его горячая поклонница, обратилась къ нему съ легкимъ, почти нѣжнымъ упрекомъ:

— Отецъ Григорій, за что вы на нее такъ сердитесь? Вѣдь она же такъ... любитъ васъ...

„Отецъ“ вращалъ глазами, очевидно, не находя, что сказать.

— А пошто она... меня за Бога почитаетъ?—угрюмо проговорилъ онъ, наконецъ, почесывая себѣ животъ.

Но онъ видимо лукавилъ, стараясь навести насъ на ложный слѣдъ и въ то же время затушевать настоящую причину своего негодованія противъ юродивой генеральши.

Все это происходило *до войны*, почти наканунѣ ея. О томъ, какъ протекала жизнь „отца Григорія“ за время военной грозы, какую позицію занялъ онъ и его вліятельныя поклонницы и почитательницы по отношенію къ страшному испытанію, поразившему

Россію,—я буду говорить во второмъ выпускѣ этихъ очерковъ.

Что касается Ксеніи Владиміровны, то она въ началѣ великаго поста покинула Петроградъ и уѣхала къ себѣ, т.-е. въ имѣніе мужа, въ его подмосковную. Передъ отъѣздомъ она увѣряла меня, что въ будущемъ сезонѣ непремѣнно снова пріѣдетъ въ Петроградъ, чтобы продолжать свои наблюденія надъ „пророкомъ“ и его поклонницами.

Обѣщаніе это г-жа Гончарова дѣйствительно исполнила и въ самый разгаръ сезона 1915 года, въ концѣ января, появилась въ Петроградѣ, при чемъ немедленно же возобновила свое знакомство съ „отцомъ Григоріемъ“, снова начала очень часто бывать у него, видѣться съ его почитательницами. Но объ этомъ періодѣ ея сношеній со „старцемъ“ нужно говорить много и долго, а потому я отлагаю свой разсказъ до другого раза.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
	Вступленіе	III
	Открытое письмо генералу Мрозовскому	IX
	На рубежѣ новой эры	1
I.	Ксенія Владиміровна	4
II.	Первый визитъ	18
III.	Мистикъ или эротоманъ?	30
IV.	Вечеръ у Распутина	45
V.	„Раутъ“	63
VI.	Бедламъ	73

Расколъ и сектантство въ русской народной жизни. Москва, 1905 г. Цѣна 30 коп.

Содержаніе: Исканія правды.—Соціальные элементы въ расколѣ.—Отчеты и жизнь.—Темныя и свѣтлыя стороны раскола.

О Львѣ Толстомъ и о толстовцахъ. Очерки, воспоминанія, матеріалы. Москва, 1911 г. Цѣна 80 коп.

Содержаніе: Отъ автора.—Часть I.—О Львѣ Толстомъ. — Л. Н. Толстой въ голодовку 1873 — 74 гг. — Л. Толстой и самарскіе молокане.—Секретный циркуляръ.—Толстой и миссіонеры.—Л. Н. Толстой въ Москвѣ.—Письма и записочки Л. Н. Толстого.—Замыслы бюрократіи противъ Толстого.—Отлученіе отъ Церкви. (По офиціальнымъ даннымъ).—Часть II.—О толстовцахъ.—Толстовство, какъ секта. (По офиціальнымъ даннымъ).—Роль толстовства въ духоборческомъ движеніи.—(По отчетамъ г. оберъ-прокурора Св. Синода).—Толстовцы.—Письма толстовца Сережи Попова.—За Толстого.—Первый судебный процессъ толстовцевъ.

„Братцы“ и „трезвенники“. Изъ области религіозныхъ исканій, Москва, 1912 г. Цѣна 40 коп.

Содержаніе: Православіе въ опасности.—На днѣ жизни.—Братецъ Иванушка.—Прошлое братца.—Въ сумасшедшемъ домѣ.—Въ монастырской тюрьмѣ.—Послѣдователи братца изъ привиллегированной среды.—Они идутъ за нимъ.—Чему учитъ и какъ живетъ братецъ Иванъ Чуриковъ.—Миссіонеры и братецъ.—Анаѳема.—Торжество православія и результаты отлученія.—Разгромъ.—„Изувѣрныя“ и „безнравственныя“ секты.

Бунтъ противъ природы. О хлыстахъ и хлыстовщинѣ. Ц. 1 р. 50 к. Изд. „Задруги“, М., 1917 г.

Всю корреспонденцію на имя автора слѣдуетъ направлять по слѣдующему адресу:

ПЕТРОГРАДЪ, Введенская, 17.

АЛЕКСАНДРУ СТЕПАНОВИЧУ ПРУГАВИНУ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ

СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ

А. С. ПРУГАВИНА:

Религіозные отщепенцы. Очерки современнаго сектантства. 2 из «Посредника». Москва. 1906 г. Два выпуска. Выпускъ I. Ц. 75 коп
Выпускъ второй. Печатается третье изданіе.

Монастырскія тюрьмы. Второе дополненное изданіе «Посре ника» Москва, 1909 г. Двѣнадцатая тысяча. Ц. 80 коп.

Въ казематахъ. Очерки и матеріалы по исторіи русскихъ т ремъ.—Шлиссельбургъ.—Суздальская тюрьма.—Петропавловская кр пость. СПБ. 1909 г. Цѣна 1 руб.

Расколъ вверху. Очерки религіозныхъ исканій въ привиле рованной средѣ. Изданіе „Т-ва Общ. польза". 1909 г. Ц. 1 руб.

Голодающее крестьянство. Очерки голодовки 1898—99 Изданіе „Посредника". М. 1906 г. Цѣна 85 коп.

Старообрядчество во второй половинѣ XIX вѣка. Очер изъ новѣйшей исторіи раскола. Москва. 1914 г. Цѣна 1 руб.

Расколъ и сектанство въ русской народной жизни. Ц. 30

О Львѣ Толстомъ и толстовцахъ. Очерки, воспомина матеріалы. Москва. 1911 г. Цѣна 80 коп.

„Братцы" и „Трезвенники". Изъ области религіозныхъ ис ній. Цѣна 40 коп.

Бунтъ противъ природы.—О хлыстахъ и хлыстовщинѣ. М сква. 1917 г. Изданіе „Задруга". Ц. 1 руб. 50 коп.

Печатаются:

Непріемлющіе міра. Очерки религіозныхъ исканій.
Третій выпускъ **„Религіозныхъ отщепенцевъ".**

Всю корреспонденцію на имя автора слѣдуетъ нап влять по слѣдующему адресу:

ПЕТРОГРАДЪ, Введенская, 17.

Александру Степановичу Пругавину.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Москва, Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., 9. К-во „ЗАДРУГА
ОТД. въ ПЕТРОГРАДѢ, Гончарная 21.

